

Евгения Высоковская

СТРАННАЯ ШКОЛА

В ГОРОДЕ
ДОЖДА

16+

Евгения Высоковская

Странная школа в городе дождя

«Автор»

2022

Высоковская Е.

Странная школа в городе дождя / Е. Высоковская — «Автор»,
2022

Не зря про эту магическую школу ходят странные слухи. На первый взгляд, школа как школа. Те же занятия, в основном, посвященные стихии дождя. Те же ученики, отобранные по способностям. И, как в каждой подобной школе, здесь есть свои легенды, мифы и даже страшные истории, которые ученики передают друг другу после того, как погаснет свет. Никто в них, конечно же, не верит. Только почему они вдруг начинают сбываться? Выяснить это предстоит двум студенткам, которые начали свою магическую школьную жизнь с того, что с первых дней возненавидели друг друга.

© Высоковская Е., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Белла	7
Глава 2. Елена	11
Глава 3. Первая ночь	15
Глава 4. Нулевой урок	19
Глава 5. На новом месте приснись...	24
Глава 6. Из дневника Елены	31
Глава 7. У позорного столба	33
Глава 8. В башне из красного кирпича	38
Глава 9. Страдания Беллы	41
Глава 10. Страшная сделка	44
Глава 11. Черная свадьба	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Евгения Высоковская

Странная школа в городе дождя

Пролог

Елена

Я прохожу под гулкой каменной аркой и поднимаюсь по крутой и очень длинной лестнице, истоптанной множеством ног. Отшлифованные подошвами края старинных ступеней лоснятся и блестят от дождя.

Потоки воды льются с неба, потоки воды текут по выщербленным ступеням вниз. Мне уже все равно, вперед идти или назад: ноги мокрые насквозь. Мои единственные новые туфли, которым я так радовалась, теперь можно будет выкинуть. Они дешевые, и одного дождя им хватит, чтобы полностью расклеиться.

Я с трудом держу над головой массивный и тяжелый черный зонт, который вручил мне охранник на входе. Кажется, он меня пожалел. Когда пройдет ливень, нужно будет вернуться и отдать ему вещь, только я не уверена, что дождь вообще когда-то закончится. Да и зонт не особо меня спасает. Какая радость от того, что у меня сухие волосы, если ноги промокли и длинная юбка – влажная по колено?

Зачем я вообще туда иду? Для чего с таким трудом преодолеваю эту бесконечную лестницу, рискуя поскользнуться на мокрых каменных ступенях? На секунду остановившись, я оборачиваюсь и бросаю взгляд на пройденный путь.

Кажется, большая часть лестницы позади. Только какая разница? Мне все равно придется подниматься до самого верха. Для меня нет обратного пути. Даже если я спущусь и выйду за широкие кованые ворота, изогнутые прутья которых изображают, как мне показалось, деревья под дождем, то мне некуда идти. В прямом смысле слова. Это не значит, что у меня не осталось родных и я потеряла дом. Что вы! Все это у меня есть. Правда, не знаю, можно ли считать своим домом тот, в котором ты жила с не родными тебе людьми. Только об этом я вообще сейчас думать не готова. Фактически и дом, и семья у меня есть. Но теперь я не знаю, где они. Так странно распорядилась судьба, что я нахожусь в том месте, откуда нет выхода в прошлую жизнь. Это словно на другой планете. Но я лучше потом поразмышляю об этом. Пока сама не до конца понимаю, как тут все устроено.

Там, за недоступным моему пониманию незримым пределом, остались мои мечты и надежды. Надежды поступить в один из самых престижных вузов родного города на факультет журналистики. Обычный факультет простого, реального вуза, где преподают науку, а не... Я даже не знаю, что мне предстоит здесь изучать, но точно не то, что я всегда хотела. И в Лету канули мечты, что на меня когда-нибудь обратит внимание парень из соседнего подъезда нашего дома. Мальчишка, который так давно уже мне нравится, еще с детских лет.

Я настолько невзрачная и блеклая, что за мной в школе никогда не бегали мальчишки. Это длится уже так долго, что я к этому привыкла и смирилась. Но пришла юность, и я понадеялась, что родители скоро разрешат мне сменить эти отвратительные, уродливые очки с толстыми стеклами на незаметные линзы. А может быть, даже на цветные. Тогда мои глаза из тусклых серых преобразятся в жгуче-карие! А какая-нибудь новая институтская подруга научит меня тому, чему моя так называемая мать до сих пор не сподобилась научить: я ведь практически не умею краситься! И если в мои руки попадает тюбик туши или кисточка для теней, то я безвкусно и неумело творю такое, что стыдно потом выйти на улицу.

Задумавшись о несбывшихся желаниях и планах, я чувствую влагу на своем лице. Машинально поднимаю глаза и утыкаюсь взглядом в черный купол зонта. Это не дождь, это слезы. От этих потоков зонту меня не спасти. К мыслям о заплаканном лице и покрасневшим глазам тут же примешивается еще одно расстройство: если здесь почти всегда идет дождь, мне точно можно будет забыть свои надежды выглядеть хоть немного красивее. Под дождем мои намокшие русые волосы кажутся слишком жидкими, и я выгляжу будто облезлая. У многих девушек от влаги волосы почему-то становятся объемнее или завиваются в очаровательные кудряшки. А я...

Тяжело вздохнув, я продолжаю подъем. Погрузившись в свои беды и перестав смотреть под ноги, я нечаянно наступаю на скользкий скошенный край ступени. Нога съезжает, и мне только чудом удается не упасть. Меня спасает зонт, который парит надо мной как мрачный черный парашют, при этом позволяя мне не скатиться вниз, унесенной стремительными потоками дождевой воды. Качнувшись на ступенях, я останавливаюсь, и меня обдает липкой, жаркой волной страха. Колени дрожат, сердце заходится. Я смотрю вниз и ужасаюсь тому, что могло произойти, не удержись я на ногах. Наверное, тело, докатившись донизу, уже навсегда останется просто телом. Мертвым. Этот убийственный скоростной спуск не под силу выдержать никому. Что ж, надо запомнить. Как запасной выход, когда станет совсем неважно. Мне кажется, я не смогу долго прожить без единого солнечного лучика.

Глава 1. Белла

Вы даже не представляете, на чем держится этот мир. Вы думаете, что знаете, как все устроено, и что для понимания жизни вам достаточно скудных школьных знаний. Тех самых, что дают в ваших обычных, приземленных школах. Вас учат там писать и считать, чертить и рисовать, петь и отжиматься. Заставляют читать скучную классическую литературу, изучать историю своей страны и зарождения мира. Как будто они сами знают, как появился и развивался этот свет. Что еще? Ах, да. На школьных уроках вы якобы познаете законы физики, проводите какие-то примитивные опыты, тупо пялитесь в микроскоп, рассматриваете географические карты в то время, как учитель втирает вам что-то о неживой природе и погодных явлениях.

А вот с этого места поподробнее. Да что он понимает в погодных явлениях? Глупые люди уверены, что разбираются в том, как восходит солнце, как зарождается туман, как выпадает роса. Они считают, что знают, почему на свете не бывает ни единой похожей снежинки, почему иссыхают водоемы или льется дождь. Как бы не так!

В их бестолковые головы даже прийти не может, что все природные явления на самом деле контролируются магическими силами. И, чтобы сдержать эти силы в узде, созданы несколько городов стихий, в каждом из которых обязательно есть магическая школа. Там избранных обучают всему, что связано с конкретной стихией, в город которой он попал. Вот я другого слова даже не подберу. Вот так попала я! Это же надо было случиться такому везению в обратном смысле, что меня отправили в город одной из самых ненавистных мне стихий!

Никто из обычных людей, живущих на земле, не знает о существовании этих мест и не догадывается, что, если бы не города, каждый из которых сосредоточил в себе целиком одно погодное явление, на Земле давно был бы хаос. Там бы случился конец света, все бы смешалось, потому что все стихии бились бы друг с другом за царствие на планете. И лишь эти города, созданные давным-давно великими магами, способны сдержать буйство разгулявшейся природы.

В этих городах живут люди, но не простые. Их отбирают по всей планете, ищут, определяют город стихии, для которого они могут быть наиболее полезны, и отправляют в магическую школу. Вот так вот, обратите внимание: не в ту школу, куда хочется, и не к тем знаниям, к которым тянется сам ученик, а туда, где он может пригодиться. Очень несправедливо.

Нет, я слышала, конечно, что можно выбрать себе стихию, но если ты не принесешь пользу своим трудом там, куда тебя изначально распределили, то тебе придется вложиться как-то иначе. Моя семейка такими средствами не обладает, поэтому я следую за своим предназначением. Только никто не знает заранее, к чему у него откроются способности, поэтому выбор стихийного совета часто оказывается как снег на голову. Как и в этот раз.

Так куда же засунули именно меня? Ну, конечно, в город моего самого нелюбимого погодного явления: дождя. Я ненавижу дождь. Я предпочла бы сидеть в засухе или даже пыли! Хотя... насчет пыли я погорячилась. Она вездесущая и забивается во все щели. И, наверное, пыльный воздух очень сухой, значит, моя кожа быстро испортится и я рано состарюсь. А вот если бы меня отправили в город Солнца... Интересно, все мечтают туда попасть, или все-таки есть извращенцы, которым не хочется жить, постоянно греясь в солнечных лучах? Но мои мечты никого не интересуют. Как выяснилось, мои способности лучше всего помогут укрощать дождь, поэтому я здесь. И это ужасно.

* * *

Примерно такие мысли теснились в голове юной Беллы, пока та сидела под дверью директора магической школы, ожидая разрешения вопроса с ее устройством. Какая-то вышла накладка, и то ли для нее не была выделена квота на обучение, то ли на ее место уже взяли кого-то еще. Белла беззвучно молилась древним хранителям всех стихий, которые могла сейчас вспомнить, чтобы ее распределение действительно оказалось ошибкой. Гулкий бас директора становился все громче, а затем неожиданно голос понижался, словно его обладатель сообщал собеседнику какую-то очень секретную информацию, и тут же снова нарастал и усиливался, и Белле казалось, что от его раскатов вибрируют стены. Станные звуковые эффекты дополнялись бесперебойной дробью дождя по окнам, которыми с двух сторон заканчивался школьный коридор. Дождь тархтел по стеклам, тяжелые капли со звоном отскакивали от металлических подоконников. Непрекращающийся ритмичный шум дождя с врывающимся в него то и дело директорским басом действовал на Беллу гипнотически, и она стала клевать носом. Ей даже начал сниться сон, и она видела, словно наяву, что распахивается дверь кабинета и выходит директор, который своим неповторимым низким голосом объявляет, что набор закрыт и ей тут делать нечего. Он говорит, грозно хмуря брови, но его безжалостный вердикт не огорчает, а напротив, радует Беллу. Она вскакивает, делает зачем-то неуклюжий реверанс и сбивчиво благодарит пожилого мужчину, с недоумением смотрящего на нее водянистыми глазками из-под кустистых седых бровей. Его белая окладистая борода достает до круглого пуза, и сам он похож на доброго волшебника, который для виду старается казаться грозным и строгим.

Белла все еще улыбалась во сне, разглядывая высокого седого старика, когда в ее грезы ворвался скрип двери директорского кабинета.

– Белладонна! – окликнул ее тихий, но очень резкий женский голос. Его неприятный тембр сквозь дождевую дробь ввинтился в мозг, словно жужжанье бормашины стоматолога, и девушка, подскочив на скамье, принялась испуганно тереть глаза.

Как? Она все еще здесь? Разве ей не отказали в приеме?

– Вы заснули, что ли? – резкий голос продолжил сверлить ее слух. – Белладонна, войдите в кабинет, директор вас ждет!

Ничего не понимая, Белла поднялась на ноги, тут же ставшие ватными. Избавление от школы ей всего лишь привиделось. Несколько мгновений счастья – и вот она опять на грешной земле. В дверном проеме, нетерпеливо постукивая тонкими пальцами по деревянному косяку, стояла очень стройная блондинка, упакованная в узкий футляр безликого серого платья. На ее лице отражалась легкая неприязнь, но, по всей видимости, она была адресована не конкретно Белле, а всем ученикам, пересекающим порог магической школы города дождя. Увидев, что девушка наконец встала, женщина оторвалась от двери и вернулась в кабинет. Белла проследовала за ней.

Она была уверена, что сейчас увидит за директорским столом старика-волшебника с длинной бородой, и поэтому от изумления застыла на пороге, когда перед ее взором предстал человек, сидевший напротив в массивном вертящемся кресле. Белла даже для верности еще раз потеряла глаза, но неожиданный образ никуда не делся. На нее с едва заметной снисходительной улыбкой смотрел мужчина лет тридцати пяти, с синими, как утреннее небо, глазами и довольно смуглой кожей. Семнадцатилетней девушке он чуть ли не в отцы годился, и, встречая взрослых мужчин на улице, она даже не замечала их, предпочитая ровесников, но от этого не могла оторвать глаз. Блондинка тем временем прошагала через кабинет, остановилась возле стола и, скрестив на груди руки, тоже уставилась на новую ученицу.

– С вашей учебой все в порядке, – с ходу объявил директор. – И, насколько я знаю, вы в курсе наших правил, ведь вас к этому готовили с детства. Поэтому не вижу смысла задерживать вас, подсовывая читать талмуды положений и распорядков.

Он взглядом показал на край стола, где примостилась солидная стопочка бумаг. Верхняя была исписана незнакомой Белле вязью с причудливыми заглавными буквами. Ее украшал герб

школы в виде старинного здания, перечеркнутого множеством косых линий, по всей видимости, изображающих дождь. Белла еле сдержалась, чтобы не буркнуть, что она с детства мечтала не попасть в город дождя, и сдержанно кивнула.

– Вы немного задержались, – холодно добавила блондинка, – поэтому вам придется вливаться в коллектив, в котором все уже перезнакомились между собой. Надеюсь, с этим не будет проблем.

– Не будет, – эхом откликнулась Белла, которая все еще никак не могла оторвать взгляда от синих глаз, в глубине которых она вдруг прочла нескрываемое высокомерие.

– Ну и замечательно, – с облегчением произнес директор, переводя взгляд на блондинку. – Мелисса вас проводит и по дороге все расскажет.

Белла растерянно попрощалась и вместе с блондинкой вышла из кабинета. Синеглазый, казалось, уже забыл о ней, отвернувшись на кресле к окну и внимательно вглядываясь в потоки дождя за стеклом. Девушка с запоздалым удивлением подумала, что ей даже не представили хозяина школы, словно ей незачем знать, как его зовут. Она всегда считала, что учеников, поступающих на обучение в школы городов стихий, очень ценят и уважают, ведь они избранные – те, кто скоро встанет на смену уставших магов, много лет несущих свою вахту на страже погодного равновесия. Здесь же пренебрежение сквозило, казалось, из каждого взгляда, каждого жеста тех, с кем ей уже удалось повстречаться. Даже стены старинного здания словно излучали безразличие и неприязнь, и те просачивались через каждую щель, сквозили, протекали отовсюду, обволакивая сознание и делая новичка беспомощным и потерянным среди незнакомых пустынных коридоров.

– Завтра у вас выходной, – тем временем равнодушно сообщила Мелисса, чеканя шаг рядом с Беллой по пустынному коридору. – Послезавтра приступите к учебе. Вы владеете эсперанто?

– Что? – девушка непроизвольно замедлила шаг, удивившись вопросу. Зачем здесь эсперанто? Это же какой-то искусственный язык, изобретенный обычными людьми. При чем здесь он, в школе магии, практически в междумирье?

– Все понятно, вы не в курсе, – на ходу пожала плечами блондинка. – Я ожидала, что уж вы-то будете более подготовлены.

– Я подготовлена, – не выдержав, огрызнулась Белла, – но что вы тут эсперанто используете, слышу впервые.

– Ну, не эсперанто из обычного мира, разумеется, – язвительно прошипела Мелисса. – Но в стихийные школы попадают ученики со всей земли, и, конечно же, им нужен некий международный язык. Вам потребуется его выучить, и очень быстро, поэтому я поставлю вам дополнительные занятия, иначе вы ничего не будете понимать на уроках и это затруднит ваше общение в остальное время. Значит, ваши занятия начнутся не в девять утра, а в семь, потрудитесь не опаздывать.

С этими словами она остановилась перед широкой двустворчатой дверью почти в два человеческих роста. У порога стоял громоздкий Беллин чемодан. В огромном пустом коридоре этот чемодан смотрелся странно и одиноко, и даже почему-то фантаσμαгически.

– Здесь находится ваша спальня, – сказала Мелисса. – Можете располагаться. И не забудьте, что послезавтра в семь утра вас ждут на уроке по эсперанто. Остальное расписание сможете посмотреть на стойке, одноклассники все вам покажут. Ваши занятия, в основном, должны совпадать.

Она резко развернулась и тут же, не прощаясь, ушла, оставив растерянную Беллу возле массивной двери, больше похожей на ворота в древний замок. Взявшись за ручку тяжеленного чемодана, девушка потянулась было к одной из створок, но замерла, прислушиваясь. В спальне царила полнейшая тишина. «Может, там сейчас никого нет? А где тогда все, если нет занятий, а за окнами вечный дождь? Странная эта Мелисса. Все так сухо сообщила. Ну да ладно, –

решила Белла, внутренне подбираясь и настраиваясь. – Разберемся». В общении она никогда не испытывала проблем, поэтому наконец почти без волнения потянула тяжелую дверь на себя. «Будем знакомиться».

Глава 2. Елена

Когда я вошла в комнату, в которой мне предстояло теперь жить на протяжении нескольких лет учебы, я еле сдержалась, чтобы не расплакаться. Я сразу поняла, что слез пролью еще немало, но надо было хоть какое-то время потерпеть. Мне и так всегда трудно удавалось сходиться с людьми, не стоило позориться перед всеми в первый же день.

Передо мной предстала длинная спальня с очень высокими полукруглыми сводами потолков, от чего над головами, высоко вверх гуляло несмолкающее эхо. Интересно, оно хотя бы ночью стихает? Вдоль окон и противоположной им стены протянулись ряды одинаковых узких кроватей, разделенных приземистыми тумбочками. Между ними шел еще один ряд. Я застыла на пороге, не в силах сделать шаг в комнату. Неужели мне придется жить здесь? В общей комнате, где, помимо меня, наверное, находится еще человек двадцать? Двадцать шестнадцати– и семнадцатилетних девиц, практически взрослых уже людей, которым так нужно свое собственное пространство!

Глаза защипало, я часто заморгала и сделала несколько глубоких вдохов и выдохов. Главное, продержаться и не разреветься прямо на пороге. Увиденное выглядело ужасно. Я любила одиночество. Я привыкла к нему с детства, и моя комната в родительском доме всегда являлась для меня надежным укрытием от всех бед. Там я могла уединиться и мечтать или плакать и страдать, но самое важное – меня никто в этом месте не трогал. Я засыпала в полной тишине, что так важно было для моего нервного и чуткого сна. А теперь мне предстоит ночами напролет слушать вздохи, сопение и, может быть, даже храп.

О боже, как так произошло, что я, стоявшая почти на пороге исполнения своей детской мечты, была вдруг безжалостно вырвана из рук невидимого проводника, который терпеливо вел меня к цели, и заброшена в непонятное, чужое место в некомфортную обстановку? Да еще с совершенно неясными мне задачами! Я вообще не успела ничего понять, пока родители (как они себя раньше называли) сами складывали вещи, собирая меня в дальний путь, и бормотали сбивчиво что-то про мои невероятные способности к управлению дождем. В тот момент мне казалось, что я попала в какой-то жуткий триллер, ведь мои самые близкие люди будто сошли с ума. И, объявив мне о том, что я не родная их дочь, еще подливали масла в огонь, фантазируя о каких-то магических обрядах погоды и стихий.

Когда я точно уверилась, что мои родители не шутят, а всерьез планируют отправить меня невесть куда прямо перед экзаменами в университет мечты, я попросту попыталась сбежать. Не знаю, куда я бы помчалась первым делом: в полицию или в клинику, чтобы сообщить о сумасшедших, но меня опередили. Так называемый отец запер входную дверь, забрав себе ключ, а так называемая мать со слезами на глазах принялась куда-то звонить. А потом, очень скоро, к нам явился незнакомый мужчина с тусклым лицом, и все остальное я помню уже как сквозь туман. Я точно знаю, что силком меня никто не тащил, я сама шла, куда мне приказывали, едва передвигая ноги. Может быть, меня чем-то накачали, а может быть, и впрямь здесь действовали магические чары, и пусть в это очень трудно поверить, но каким-то образом я оказалась в странном месте, от которого веет чем-то неземным. Не потому, что это старинный замок на холме, куда надо подниматься по бесконечно длинной лестнице. А потому, что его каменные стены словно шепчут заклинания, и я действительно их слышу. Скорее всего, это какой-то наркотик, но он до сих пор не выветривается, а я тем временем уже на новом месте.

Это место живо напомнило мне детский сиротский приют из позапрошлого века. Я видела такой в каком-то старом фильме о несчастной девочке. Как могло случиться, что я сейчас, в наше время, оказалась почти в таком же приюте? В голову ударилась страшная мысль: что, если меня под таким соусом просто запихнули в какую-то секту?

Единственное, что не вписывалось в картину моего кошмара, это обитательницы комнаты: девчонки моего возраста расположились на кроватях, приводя себя в порядок. Кто-то расчесывался, кто-то красился. Некоторые уселись парами, помогая друг другу прихорашиваться. Но сейчас все они, как одна, бросили свои занятия и уставились на меня: кто с любопытством, кто с досадой. Может быть, еще один член коллектива казался им перебором?

Сама поразившись, что я это делаю – заговариваю первая, когда вокруг столько внимательных глаз на меня смотрит, – я произнесла:

– Привет. Меня зовут Елена. Я новенькая. Кажется, я теперь ваша соседка. – Голос предательски задребезжал и показался мне чужим и противным. Но вроде никто не обратил на это внимания. Девчонки завертели головами, поглядывая в угол у окна, и я, к своему удивлению и радости, заметила там заправленную кровать. Она была настолько аккуратно застелена, что становилось понятно: здесь никто не спит. Чтобы убедиться, я кивнула в ее сторону, и кто-то из девчонок откликнулся.

– Да, располагайся. Пусть будет твое место, нам уже лень переезжать.

Я поняла, что она имела в виду. Место у стены, да еще и у окна, по всей видимости, было одним из самых престижных и удобных, и даже странно, что никто его не занял. Но, наверное, девчонки уже привыкли на своих местах, рядом с подругами. Так что мне несказанно повезло. Хоть с одной стороны будет не храпящее или сопящее создание, а гладкая прохладная стена. Я благодарно улыбнулась, прикрыла за собой дверь и подкатила к своему новому домику сумку на колесиках.

На соседней кровати сидела, поджав под себя ноги, щуплая рыжеволосая девчонка с разноцветными глазами: карим и зеленым. Периодически косясь на меня из-за круглого ручного зеркальца, она рисовала на своем лице «смоки айс», накладывая на веки разные тени: вокруг карего глаза – изумрудные, а вокруг зеленого – фиолетовые. Каким бы нелепым ни казался этот макияж, на самом деле у нее получалось потрясающе красиво, и от ее волшебных глаз трудно было оторвать взгляд.

Поставив большую сумку в изножье кровати, я стащила со спины небольшой рюкзачок и опустила его на свое новое ложе. Улыбки некоторых учениц, с которыми мне предстояло существовать теперь бок о бок, пусть совсем немного, но утешили меня. Я вытащила вещи, наконец узрев, что же запихнули мне в дорогу мои приемные родители, и слегка озадаченно попыталась их рассортировать, выложив на кровати. Половину вещей можно было убирать обратно, чтобы не доставать их больше никогда. У мамы, по всей видимости, совершенно отличные от меня понятия о современной моде. У меня и так с красивыми вещами всегда были трудности, – мы жили довольно бедно, – но тут она расстаралась. Как нарочно напихала в сумку убожества и старомодных отрепьев. А может, вовсе не нарочно. Я теперь не знаю, что и думать о своих родителях. Столько лет притворства и обмана. Неужели они с самого моего детства знали, куда меня отдадут? А я так надеялась на развитие в журналистике, занималась дома самостоятельно, постоянно писала какие-то истории, даже пыталась делать вручную газеты в единственном экземпляре. Все оказалось напрасно.

Сморгнув слезинку, я продолжила разбирать вещи. Когда более-менее приличные были отобраны, я обернулась на комнату, выискивая глазами шкаф, куда можно было бы пристроить одежду из сумки, и в тот же момент дверь снова распахнулась. Ее широкие створки словно рванули с неким вызовом, и все головы – светлые, темные, причесанные, лохматые – как по команде повернулись на вновь прибывшую.

На пороге возникла стройная черноволосая девушка с бледной кожей, за ее спиной громоздился чемодан. Она вошла внутрь, подтягивая его за собой, и дверь за ней сама закрылась. Черными, чуть прищуренными глазами девушка быстро обшарила нашу просторную спальню, и ее пронзительный взгляд вдруг остановился на мне. Она усмехнулась краешком рта и дви-

нулась к моей кровати. Я почему-то оторопела и мяла в руках блузку, которую определила к более-менее приличным вещам, но не успела уложить поверх аккуратной стопки.

– Ты заняла мое место, – довольно грубо сказала новенькая, и по спальне пронесся гул недовольных голосов. Я же сразу потерялась и оробела перед этой недружелюбной гостьей и, хоть и чувствовала молчаливую поддержку будущих одноклассниц, сердце все равно заколотилось от волнения и напряжения. Неужели она сможет меня согнать? Она что, полезет со мной драться? Просто в голове не укладывалось.

Докрасившая наконец свои разноцветные глаза девчонка на соседской кровати, свесив на пол длинные босые ноги, наклонила голову вбок и язвительно произнесла:

– Елена пришла первой, это ее кровать. Мы уже почти подруги!

Кто-то из девочек хихикнул.

– Я битый час проторчала у директора, – с вызовом ответила новенькая. – А так бы появилась тут явно раньше, чем она. Я же вижу, что она даже вещи еще не успела разобрать.

Пока я придумывала, что ответить, девушка сказала еще более обидно:

– Да и кто такая эта Елена? – И она презрительным взглядом окинула меня с ног до головы, от чего я почувствовала себя голый в огромном супермаркете. Я сразу вспомнила, какая на мне старая и немодная одежда, к тому же туфли были насквозь мокрые, и юбка неприятно холодила ноги влажным подолом. Наверное, я представляла собой жалкое зрелище. Воодушевленная теплым приемом, я словно забыла об этих неудобствах, а тут сразу же все снова почувствовала, и меня зазнобило. Тем не менее я не двинулась с места, продолжая нервно сминать несчастную блузку, сейчас уже напоминающую тряпку.

– А ты кто такая? – подал голос кто-то из учениц. Черноволосая повернулась на звук.

– А я Белла.

Удивленный шепот теперь пополз по спальне. Кажется, это имя что-то значило для них, и только я продолжала ничего не понимать.

– Та самая? – раздавалось с разных концов комнаты.

– Ты Белладонна?

– Да, – ответила Белла и раздраженно добавила: – Только я не хочу даже слышать это несурзное имя. И Донной тоже меня не смей называть. Я – Белла.

До меня не сразу дошел смысл слов девчонки с разноцветными глазами. Она что-то мне говорила, а я затравленно оглядывала изменившиеся лица и ничего не понимала.

– Тебе придется освободить место, раз Белла хочет спать здесь, – наконец расслышала я. Ее голос звучал равнодушно, словно теперь ее уже не волновала моя дальнейшая судьба. Впрочем, что такого? Я же даже не успела разложить вещи. Подумаешь, возьму да перееду. Если эта Белла в таком почете здесь, да пожалуйста! Не ссориться же со всеми, да еще в первый день.

Я принялась молча запихивать вещи обратно в сумку. Белла наблюдала за мной с наглой усмешкой, явно упиваясь победой. Девчонки по всей спальне переговаривались вполголоса, но то тут, то там вдруг раздавались восклицания. Кажется, почти все обитательницы спальни знали, кто такая Белла. Она тем временем подкатила свой чемодан совсем близко к моей уже бывшей кровати, почти загородив мне дорогу. Я, запихнув последнюю рубашку в сумку, кое-как протиснулась мимо нее, вышла в проход между рядами и растерянно оглядела комнату: кажется, здесь больше не было свободных кроватей.

Девчонки сочувственно тарасились на меня. Одна из них подошла ко мне.

– Пойдем, я покажу, у нас еще одно спальное место осталось. Правда, не очень удобное.

Она пошла вперед. Кто-то из девчонок снова захихикал. Мы прошли в самый конец комнаты, где в торцевой стене справа, оказывается, находилось некое подобие узкой ниши, куда даже не попадал свет. Там, ногами к общей спальне, стояла еще одна кровать, и она была свободна.

– Вот, только здесь, – извиняющимся тоном пробормотала девчонка. – Располагайся.

Она тут же ушла, а меня вдруг неожиданно окатило волной радости. Кровать стояла в нише, и пусть там было тесно и темно, но с обеих сторон находились стены, а не сопящие во сне соседки. Этот аппендикс в стене мог сойти за крошечную, зато собственную комнату! Странно только, что здесь никто до сих пор не разместился, ведь это так удобно. Да и отсутствие света не всегда плохо. Все-таки это спальня, а спится лучше всего в темноте.

Понадеявшись, что выбрать это место добровольно считалось среди девчонок дурным тоном – ведь это фактически отстраненность от коллектива! – я шагнула в маленькое, темное помещение.

Глава 3. Первая ночь

«На новом месте приснись жених невесте», – пробормотала Белла, натягивая мягкое и уютное одеяло на голову. За сегодня она так устала, что буквально не чувствовала ног. Первым делом – этот невыносимый подъем под ненавистным дождем по скользкой нескончаемой лестнице. Потом волнительное ожидание возле директорского кабинета, ложные надежды на избавление от нежеланного места. И затем, как гнилая и червивая вишенка на торте, – утомительный остаток дня, проведенный в непрерывном общении с множеством новых знакомых. Столько новых лиц, гомонящих голосов, любопытных глаз, буквально поедающих ее со всех сторон.

Зачем она вообще представилась своим настоящим именем? Решила же, что назовется по-новому! Но эта непонятно откуда взявшаяся выскочка, так нагло расположившаяся на самом удобном месте в спальне, должна была убраться, а как заставить себя уважать с порога? Только признаться, кто ты есть на самом деле. Ну, что ж. Теперь все знают. Она – Белладонна. Та самая Белладонна, которую отметили стихийные стрелы. Да кто вообще верит в эту чушь? Если ее отметили все стихии, почему запихнули все равно в дождь?

Белла свернулась комочком, полностью спрятавшись под одеяло, и наконец дала волю слезам. Она всхлипывала все сильнее, и вскоре ей пришлось зажать рот рукой, чтобы не услышали девчонки. Белла крепилась весь день, улыбаясь и задирая нос, чтобы все продолжали думать, что она крутая, а сама словно балансировала на грани, в ужасе, что вот-вот разревется при всех во весь голос. Ей удалось дотерпеть до ночи, и теперь она изливала свои страдания в подушку.

Хорошо, что удалось отстоять хотя бы удобное место. Белла давно готовилась к будущей учебе в магической школе и уже многое знала об учебных заведениях различных стихий. В город дождя она не хотела не только по причине нелюбви к этому погодному явлению. Про саму школу она слышала некоторые очень странные вещи. Все это было похоже лишь на слухи, но Белла знала с детства: дыма без огня не бывает. Если распространяются подобные слухи, значит, со школой действительно не все ладно. Только вот что?

Хоть девушка и надеялась, что ее способность окажется полезной городу солнца, она все же собирала материалы про другие школы, расспрашивала родителей, штудировала книги, которые они могли для нее достать. У них самих был очень слабый дар к управлению погодой, и их мечтам поступить в одну из магических школ не суждено было сбыться. Но зато их дочь не только получила в наследство оба дара, причем значительно усиленных. Белле словно достались все способности, которыми когда-либо владели ее предки на протяжении многих поколений. Видно, час зачатия выпал на какой-то очень благоприятный день, раз даже духи стихий отметили ее своими стрелами.

Так вот, случайно она наткнулась на странные свидетельства тех, кто жил и учился когда-то в школе дождя. Все ученицы, а может, и ученики той школы до ужаса боялись заселяться последними. Сначала Белла решила, что существует какая-то дурная примета о последнем шаге или крайнем ученике. Какое-то глупое школьное суеверие, которое переросло в легенду и передавалось из уст в уста. Но в одной из книг она прочла, что в девичьей спальне магической школы города дождя существует некое обособленное место, которое и достается опоздавшим. И, по словам автора книги, с ученицами, которым суждено было расположиться на этом месте, случались странные происшествия, и далеко не всегда они заканчивались благополучно.

Белла прочла эту историю с недоверием и вскоре забыла о ней, и лишь в тот момент, когда она, быстро оглядев комнату, поняла, что еще одна новенькая занимает последнюю нормальную кровать, девушка вспомнила о легенде из книги и испугалась, что ей достанется то самое проклятое место. Поэтому она принялась отчаянно импровизировать, на самом деле не

ожидая, что девчонка так быстро сдастся. Но эта серая мышь с бесцветными глазами и волосами поджала тощий хвостик и послушно перебралась в свою норку. Она явно ничего не слышала про особенности этой школы. Не знала и про Белладонну – вдруг дошло до девушки. Откуда ж она такая взялась?

Постепенно мысли стали путаться. Усталость медленно и верно брала свое, погружая Беллу в сон. Засыпая, девушка еще раз одними губами прошептала глупую детскую приговорку про жениха и невесту, вдруг с ужасом вспомнив, что она сегодня в суете и новизне впечатлений еще ни разу не метнулась мыслью к своему парню, которого оставила в обычном мире. Он тоже был избранным, и, уезжая в город дождя, Белла не ревела только потому, что ее возлюбленный обещал последовать за ней, даже если его определят в другую стихию. Состояние его родителей могло позволить ему выбор учебного заведения. Как она могла не думать про него целый день? Не успев испугаться странным переменам, произошедшим с ней сегодня, Белла провалилась в сон.

* * *

Она снова оказалась перед директорским кабинетом, тоскливо ожидая приговора, однако надежда пока теплилась в ее сердце. «Как хорошо, что все еще впереди, – с облегчением думала Белла. – Может быть, мне удастся уговорить хозяина школы, чтобы меня не приняли сюда. Надо сказать про Эллиса! Ведь не обязательно же ему следовать за мной, с тем же успехом его родители могут мне помочь поступить в школу, которую определяют для их сына». Как же они раньше об этом не подумали? Пусть ее любимый следует за предназначением, а она – за ним. Успокоившись и уверившись, что все получится, Белла чуть ли не с улыбкой продолжила ждать, когда ее вызовет директор.

Но время шло, а ничего не происходило. Постепенно улыбка сползла с ее лица. Белла все сидела и ждала, но ее не звали внутрь. По длинному гулкому коридору гуляли лишь сквозняки, но ни единой живой души не показалось за все время, что Белла там просидела. За дверью не раздавались голоса, и было не ясно, есть ли там вообще хоть кто-то. Наконец девушка отважилась постучать. Ей никто не ответил, и тогда она нерешительно приоткрыла дверь и просунула в кабинет голову. Там было пусто, но Белла, повинувшись неясному любопытству, которое так часто ведет нас в какие-то дебри в сновидениях, вошла внутрь. Медленно она подошла к столу, оглядываясь и понимая, что уже была недавно в этом кабинете. Ей было знакомо окно с серым дождливым пейзажем, широкий письменный стол, аккуратная стопка бумаг. Только в прошлый раз, когда она здесь была, тут находился кто-то еще. А вот кто, она не могла вспомнить.

Посередине стола вдруг появилась тонкая бумажная папочка. Белла могла поклясться – только что ее еще не было. Раздражаемая все тем же любопытством, Белла обошла директорский стол и склонилась над папкой. Раскрыв ее, она чуть не вскрикнула: на первом же листе бумаги было написано ее имя и приколотая ее фотография. Белла стала листать документы, которых почему-то становилось все больше: папка росла и наполнялась ими прямо у нее в руках. Все бумаги были исписаны убористым почерком, и множество строчек пестрело ее именем: Белладонна. Что за досье на нее собрали? Зачем?

Она все пыталась прочесть хоть что-то, но могла разобрать лишь свое имя, с ужасающей частотой попадавшееся в бесконечном тексте. Остальные же слова были нечитаемыми, строчки плыли, буквы в них шевелились, и это вдруг показалось таким страшным, что похолодел затылок. Сердце Беллы колотилось быстро-быстро, и она стала задыхаться. Ей во что бы то ни стало нужно было прочесть хоть немного о себе, но у нее не получалось.

Со слезами на глазах девушка, уже не задумываясь, что ее кто-то может застать за этим занятием, принялась вытаскивать из дела исписанные листы и прятать под блузкой, которая неожиданно стала слишком тесной, чтобы под нее можно было запихнуть хоть что-то. Бумага

мялась и рвалась в ее руках, в ушах шумело и пульсировало. Документов в папке все прибавлялось, туда добавились другие фотографии Беллы – от детских до совсем недавних. Девушка, дрожащими руками комкая все в одну бумажную кучу, решила унести ее с собой, чтобы разобрать где-нибудь в укромном месте, и в этот момент дверь кабинета открылась.

Белле почудилось, что в комнате стало намного темнее, хотя за окном картинка не изменилась. На пороге стоял мужчина с пронзительными глазами такой синевы, что та показалась девушке самым волшебным цветом на земле. Она вдруг узнала его: это и был директор. Сегодня они уже встречались, и он отмел все надежды на то, что она сможет покинуть это место. Тогда почему же она опять оказалась возле его двери, зачем так долго ждала, если все было решено? Совершенно растерянная и беспомощная, Белла стояла возле стола, роняя скомканные бумаги.

– Вам не стоило сюда приходить, – произнес директор, и Белла вспомнила его голос. Точно, этот бас она слышала совсем недавно. – Вы сделали очень большую ошибку. Вам ее не исправить.

Его слова словно пригвоздили бедную испуганную девушку к полу. Ноги ее тряслись, но она не могла сделать ни шага.

– Почему про меня столько всего написано? Что это значит? – умоляющим голосом спросила она, но мужчина словно не слышал.

– Вы не на своем месте. Вы заняли чужое, – продолжал он. – И это тоже очень большая ошибка. На вашем месте сейчас другая, и теперь все смешается. Это начало конца, и ничего уже не остановить.

Белла сразу вспомнила, как она прогнала с кровати у окна новенькую Мышь и та удалилась в свой темный закуток. А директор сказал, что это было ее место. Это особенное, проклятое место предназначалось Белле?

Страх ледяными тисками сдавил ее сердце, а мужчина стал приближаться к ней.

– На чужом месте, – прошипел он, – приснился чужой жених чужой невесте...

Директор подошел почти вплотную к застывшей от ужаса девушке. Его глаза смотрели в упор, и она почувствовала, что будто проваливается в их синюю пропасть, и главное – она мечтает об этом. Если поддаться велению сердца, не сопротивляться, отбросить страхи, то можно раствориться в этой небесного цвета глубине. Остаться навсегда рядом с ним, внутри него, растаять там, слиться с синевой. Я ничего не значу, я никому не нужна, я просто ничтожная частичка мира, а там я хотя бы буду частью чего-то большего... Она привстала на цыпочках и потянулась к его губам, уже чувствуя жаркое дыхание. На душе стало очень легко, и сердце потеплело. Белла едва коснулась горячих губ, ощутив их сладость, как вдруг лицо его затряслось перед ней, замелькало, а в уши прорвалась отвратительная трель.

Дорогое и прекрасное лицо исчезло, погас синий манящий взгляд. Вместо этого Белла увидела над собой взлохмаченные рыжие патлы и разноцветные глаза: карий и зеленый.

– Эй, пора вставать! Выходной выходным, а расписание для всех одно. Привыкай, – весело сказала разноцветная девчонка и, убедившись, что Белла проснулась, куда-то тут же ушла.

В окна спальни бил серый утренний свет, дрожащий в струях непрерывного дождя. Дождь плакал по стеклам и подоконнику. Первое утро, встретившее ее здесь. Унылое воскресное утро в чужом городе, с чужими людьми. Вспомнив ночные видения, Белла завертела головой, выискивая вчерашнюю несостоявшуюся хозяйку ее кровати. Прямо в тот момент Мышь вышла из своей темной каморки с полотенцем в руках и угрюмо побрела в смежную со спальней комнату, где находилась умывальня.

Елена спала на месте, которое предназначалось ей. И если Белла тут получила такие странные сны, то что же видела сама Елена на этой «особенной» кровати? А впрочем, может, это и был всего лишь сон, который ничего не значит? Увы, позволительно было так думать,

находясь в обычном мире и будучи обычным человеком. А здесь таких случайностей быть не могло. Тем более в странной школе.

Глава 4. Нулевой урок

До начала основных занятий оставалось еще два с небольшим часа, а несколько учеников уже находились в аудитории в ожидании своего первого учителя. За школьными столами, расставленными ровным полукругом, сейчас сидело восемь девушек и четверо юношей. Мест было в два с лишним раза больше, поэтому все ученики расположились на некотором расстоянии друг от друга. Похоже, никто из них не был между собой знаком или, по крайней мере, дружен.

Белла села почти у самого края с левой стороны полукруга, чтобы иметь возможность хорошо видеть Мышь, к которой она почувствовала антипатию с первых минут знакомства, а после сновидения, в котором синеглазый директор произнес столь странные слова, и вовсе ее невзлюбила. Ей не давало покоя то, что она заняла чужое место. Постоянно прокручивая это в голове и выстраивая разные предположения, она додумалась до того, что эта невзрачная Елена на самом деле избранная, которой уготована особенная судьба. Недаром же самое удобное место в спальне будто ее и дожидалось. А Белла явилась и грубо согнала с кровати, отправив в проклятую каморку, которая была предназначена ей самой. Чем эта Мышь лучше Белладонны? Она, кажется, даже не понимает, зачем она здесь. Тыкается везде, как слепой котенок. Нет, точнее, как слепой крысенок. Ух, какая она мерзкая!

Но именно ее ждали на этом месте. А этот красавец-директор? Неужели он хотел являться к ней во снах? Он сказал, что Белла совершила большую ошибку. Скорее бы увидеть его наяву, может, его будничное появление рассеет мистификацию. Мало ли что приснится.

Девушка опять вспомнила в деталях и красках свое короткое сновидение о визите в директорский кабинет. Перед ее внутренним взором тут же предстала статная фигура мужчины, к которому ее так внезапно и страстно потянуло. Белла едва успела подавить нервный вздох, с огромным усилием заставляя себя дышать спокойно и ровно. Воспоминания об этих мгновениях вернули ее к словам о том, что она заняла чужое место. Он сказал «чужой жених». Неужели он имел в виду, что Мышь – *его* невеста?

Белла принялась мрачно сверлить взглядом усевшуюся в самом центре полукруга Елену, но та ни на минуту не поднимала глаз: то ли боясь ответить на взгляд противницы, то ли попросту пытаясь доспать.

«Да, поспать бы еще не помешало», – подавив зевок, подумала Белладонна. Но из-за этих дурацких уроков интервикис, как, оказывается, именовалось магическое эсперанто, ей пришлось встать ни свет ни заря. Хорошо хоть, что не надо было с утра краситься: природа наградила ее очень густыми черными ресницами и алыми губами. На щеках всегда играл легкий румянец, так что кожи девушки почти никогда не касался ни косметический карандаш, ни кисть. По всей видимости, Мышь тоже не прибегала к помощи косметики, хотя ей-то уж точно она бы не помешала. На нее даже смотреть было уныло. Неужели ей настолько все равно, как она выглядит?

Воображение вдруг принялось рисовать Белле картинку, где она колдовала над скучным лицом Елены, с помощью туши и румян превращая ее в довольно миленькую девушку. Боже мой, о чем она только думает? Да ни в жизнь не станет Белла помогать этой самозванке! Откуда эти глупые мысли? Наверное, спросонья. Вчера было воскресенье, и девчонки знакомили ее с местными достопримечательностями, к которым они отнесли как старинное здание школы, так и самых популярных молодых людей, с кем им предстояло учиться вместе. Далеко не все знали язык, на котором говорила Белла, но рядом всегда находился тот, кто мог перевести. Хотя, конечно, это замедляло и затрудняло общение. Вот для чего нужно было учить общий язык, и Белла уже не так скептически была настроена. Суточный и веселый день пролетел быстро и закончился далеко за полночь, а вот вставать наутро пришлось очень рано.

Интересно, а почему же Мышь тогда такая сонная?

Белла попыталась вспомнить, где она видела Елену в воскресенье, но на ум почти ничего не приходило. Где-то Мышь сидела в одиночестве, уныло подперев руками лицо. Где-то она, опустив голову, брела вдоль бесконечной школьной стены. Эти картинки в памяти были словно заштрихованы тонкими нитями дождя, постоянно сопровождавшего учеников, куда бы те ни пошли. Дождь здесь был нескончаемым. Белла пыталась не обращать на него внимания, пряча свою ненависть к этому погодному явлению как можно дальше. А Елена, кажется, даже не старалась, и по лицу ее вместе с водяными струями постоянно стекало уныние. Она ушла спать в свою каморку довольно рано. Непонятно, почему сейчас такая сонная.

* * *

Наконец за открытой дверью зала раздались быстрые шаги двух пар ног: легкие и тяжелые. Сначала в класс влетел опоздавший ученик, тринадцатый по счету, а следом за ним так же быстро вошел преподаватель интервикис. Все, кто сидел и терпеливо ждал начала занятия, обернулись на вошедших с нескрываемым любопытством.

Новый ученик выглядел довольно экстравагантно. Впрочем, наверное, для ученика обычной школы или института в его внешности не было ничего удивительного, но в магической школе унылого дождя его торчащие в разные стороны красные волосы, клепаная кожаная куртка и джинсы, в которых дыр было, наверное, больше, чем ткани, выглядели вызывающе. Легкой вальняжной походкой парнишка приблизился к полукругу столов и брякнулся на ближайшее свободное место. Его хитрые синие глаза быстро пробежались по лицам остальных учеников, и он, казалось, тут же потерял к ним интерес, развернувшись к учителю.

«Надо же, сколько тут синеглазых, – удивилась Белла, снова вспомнив директора. Никак не шел он из ее головы. – Вдруг это его сын? Может, поэтому он и носит такую странную одежду, в знак протеста против доминирования папаши?»

Внимание учеников переместилось на учителя интервикис, который тем временем вошел внутрь полукруга, чтобы представиться. Он был невысоким и кругленьким и казался очень добродушным.

– Здравствуйте, – сказал он. – Меня зовут Айгор, и мы с вами тут совсем ненадолго.

На недоумевающие взгляды учитель весело пояснил:

– Обычно интервикис все осваивают очень быстро. Разберетесь в основах – дальше пойдет как по накатанной. И растерять навыки после прекращения наших занятий у вас не выйдет. Вам просто-напросто не дадут забыть этот язык, ведь здесь все только на нем и общаются! Так что практикой вы будете обеспечены, а моя задача – дать вам азы теории. Давайте вы коротко представитесь мне и своим одноклассникам, и мы начнем. Эти два часа пролетят незаметно, и скоро вы отправитесь на настоящие занятия. А мои это так, вынужденная необходимость.

Он был многословен и суетлив, но не вызывал отторжения. Его несмолкающая речь, которая прервалась лишь на момент знакомства учеников между собой, легко вливалась в уши слушателей, и, когда он незаметно перешел вдруг на интервикис, то вначале ученики даже не поняли, что он заговорил на незнакомом им языке. А может быть, он сразу начал с него, ведь все же его поняли с первых слов, несмотря на свои языковые различия!

Белла, которая сперва старалась вникнуть в его рассказ, где он вещал что-то общее о дождливой школе, вскоре снова унеслась мыслями к ненавистной Мыши. Она и сама не понимала, почему эта бледная замухрышка не дает ей покоя. Вот уж где не было повода ни для зависти, ни для ревности! Ни один из симпатичных парней, которых она успела тут заметить, даже не взглянет в ее сторону! А уж за Эллиса можно было не волноваться. Когда он переведется в школу дождя из той, куда его определят, он уж точно не заинтересуется этой Мышью. Почему же тогда директор?..

От навязчивых мыслей избавиться не получалось. Скорее бы приехал ее любимый! Белла снова принялась поедать глазами Елену, с бездумной ненавистью разглядывая противные ей черты, жидкие прямые волосы, уныло свисающие вдоль лица, узкие плечи. Она даже не поняла сперва, почему Мышь занервничала и стала хвататься за голову, теребя себя за патлы.

Увлеченный рассказ Айгора оборвался на полуслове. Кругленький человечек с удивлением воззрился на девушку, которая пыталась отжать свои волосы, потому что они были совершенно мокрые и с них стекала вода прямо на стол, заливая тетрадку. Елена была страшно напугана. Она вдруг вскочила, продолжая трясти волосами. По ее лицу тоже текли ручьи, но не ясно, воды или слез.

– Ай-ай, как нехорошо, – пробормотал учитель, с укоризной оглядывая присутствующих и пытаясь на глаз вычислить проказника. Ученики все как один уставились на Елену с раскрытыми ртами, кто-то глупо улыбался. Одна из девочек вертела головой по сторонам, тоже пытаясь угадать, кто набедокурил. – Ну-ка прекратите сейчас же!

Беллу, которая вначале не поняла, что происходит, вдруг осенило, что это ее рук дело. Или глаз, или мыслей – не важно. Главное, что это она, вложив в свой взгляд всю неприязнь к Мыши, заставила воду потечь по ее волосам, взявшись ниоткуда. Ничего себе умение! Хотя зачем оно нужно?

– Пока вы не научились управлять своими силами, не смейте даже на вкус их пробовать! – вдруг разозлился круглый человечек. Оказалось, он может быть и не таким уж добряком. – Стихия дождя – это очень серьезно! Вы даже не представляете, какой урон, какие разрушения окружающему миру может нанести дождь. Это не моя прерогатива – обучать вас всему. Я всего лишь скромный учитель интервикис. Но если потребуется, я сделаю так, что вас отсюда смоем потоком воды, и больше никогда не пущу на порог класса! Как вы будете осваивать в дальнейшем язык, без которого не сможете тут находиться, меня уже не волнует! Признавайтесь, кто это натворил?!

Даже Елена под натиском его слов застыла, перестав стряхивать капли воды с головы, и изумленно уставилась на Айгора. Страшная мысль пронеслась в ее голове: вдруг она сама с собой это сделала? Она же тоже не умеет ничем управлять. Она еще недавно даже не поверила бы в такие силы!

Но учитель явно не считал ее виновницей происшедшего. Он внимательно вглядывался в лица молчавших учеников. Наконец цепкий взгляд его хитрых глазок застыл на лице Беллы.

– Ну-ка, барышня, – ядовито процедил Айгор. – Не желаете ли признаться? Или вам не нужен интервикис? И встаньте, когда вас вызывает учитель!

Белла, ошарашенная его приказным тоном, поднялась на дрожащих ногах. Если она не признается, он все равно уже не поверит, поняла она. А если признается? Как объяснить, за что она накинулась на несчастную Мышь и сотворила с ней такое? Если только притвориться хулиганкой, которая просто решила развлечься и поиздеваться, не важно, над кем?

– Учитель, я очень глупо поступила, – проговорила она, запинаясь. – Я просто решила попробовать свои силы, и это, конечно, было неуместно. Мне правда очень жаль.

– То есть вы на самом первом или еще даже нулевом своем уроке уже решили, что вам все дозволено? – Учителя так просто теперь было не успокоить. Приятный тенор вдруг стал неприятным, взвизгивая и захлебываясь. – И вы решили, что мой урок – самое подходящее место для ваших экспериментов? Ну, конечно, подумаешь, какой-то интервикис!

– Простите, уважаемый Айгор, я же признала свою неправоту. – Белла сникла и потерялась. Учитель больше не казался ей безобидным маленьким толстячком. Он словно вырос в размерах, и сердитый взгляд его ничего хорошего не предвещал. Да уж, одно дело – учителя в земной общеобразовательной школе. Что они тебе могут сделать? Да ничего! Над ними можно безнаказанно подшучивать и даже издеваться, но с учителями магической школы шутки плохи. Интересно, он правда сможет вызвать поток воды, чтобы залить весь класс?

– А как мне узнать, что вы не повторите свою безобразную выходку в следующий раз? – Айгор и не думал сдаваться. Белла, уставившись глазами в пол, нервно ковыряла пальцем выщерблину в поверхности стола. Она не видела, как таращилась все это время на нее несчастная Елена, до сих пор стоявшая в стороне в мокрой блузке, на которую натекла вода с волос. Сейчас с них больше не капало, но от холодной воды девушка замерзла и стояла, стуча зубами и обхватив себя руками. Айгор, наконец переключив свое внимание с Беллы на Елену, долгим пристальным взглядом уставился на девушку, и вдруг та почувствовала, как блузка буквально в считанные секунды высохла и волосы тоже. Над ней взвились легкие струйки белого пара и растворились в воздухе.

– Ну вот, уже сухая! – раздался звонкий радостный голос. – Зато и кофту постирала, и волосы помыла!

Все собравшиеся в изумлении посмотрели на говорящего. Это был Тринадцатый, как мысленно окрестила его Белла. Она не расслышала его имени во время быстрого знакомства и решила дать свое. Тот самый опоздавший парнишка с красными волосами и синими глазами, худющий как жердь. Он улыбался во весь рот, совершенно не стесняясь того, что один из передних зубов у него вырос криво, повернутый вокруг своей оси на тридцать градусов. Этот маленький дефект делал юношу забавным, но при этом совершенно не портил. К пущему удивлению Беллы, его даже красные волосы не портили. Девушка вдруг почему-то представила, что дождь, которым когда-то научится управлять этот вертлявый парнишка, обязательно будет приходить в сопровождении яркой веселой радуги, так радующей глаз. Дождь теряет свою унылость и даже становится не таким мокрым, когда на небе радуга.

– Вы заснули? – врезался в чудесную разноцветную иллюзию все тот же неприятный голос заведенного учителя. Оказывается, он снова что-то говорил, обращаясь к Белладонне, и внимание учеников опять было приковано к нарушительнице порядка, а не к этому синеглазому бунтарю, которому удалось всех ненадолго развеселить.

Белла покачала головой, тоскливо глядя на учителя. Вот уж не ожидала она, что ее так будут отчитывать. Да кто он вообще такой, в конце концов? Он понимает, с кем затеял ссору? Но ядовитые слова, которыми она хотела парировать его нравоучения, куда-то попрятались, и Белле ничего не приходило в голову. Она, понурившись, стояла перед Айгором и молчала.

– Ладно, Белладонна, я верю вам, – неожиданно по-доброму произнес толстяк, и девушка подняла на него удивленный взгляд. Он все-таки ее знал. – Простите за это представление, но по-другому, к сожалению, никогда не доходит. За столько лет работы я... И не возражайте! – Он замахал руками, потому что Белла действительно хотела возразить. – Это так только кажется, что всем все ясно и что силы нам даны во благо, а не ради издевательств или шуток. Но все – поверьте, все! – об этом поначалу просто не хотят думать. Эх, дети...

Он добродушно вздохнул и взглянул на массивные часы на пухлой руке.

– У нас еще, как ни странно, осталось немного времени, – сказал он. – Кто готов поговорить со мной на интервикис? Я знаю, что вы очень быстро научились меня понимать. Но на то я и учитель, чтобы делать свою речь легкой для восприятия. А теперь попробуйте-ка сами сказать хоть что-то, да еще и понять своего собеседника. Ну-с? Кто отважится?

Из тринадцати пар вверх взметнулась только одна рука, обтянутая черным кожаным рукавом в заклепках. Тринадцатый был еще и выскочкой?

– Отлично, юноша. Я вижу в вас потенциал. Выберите же себе собеседника. Или собеседницу, что, наверное, приятнее.

– Я хочу поболтать с ней. – Тринадцатый кивнул на Елену, которая еще до конца не успела прийти в себя. Девушка отчаянно замотала головой. Вот ужас-то! Говорить на незнакомом языке, который услышала сегодня впервые, да еще перед целым классом! Хотя внимание с нее уже давно переключилось на Беллу, пока учитель ее ругал, но она только что стояла вся мокрая и жалкая посреди аудитории, а теперь они хотят, чтобы она продолжила позориться? Елена

чувствовала, как привычно темнеет в глазах, начинает замирать сердце, стуча все медленнее и медленнее, закладывает уши, немеют кончики пальцев. Она сейчас не то что на интервикис, она на родном языке не сможет ничего выговорить.

– Да не бойся ты! – раздалось над ухом, и Елена, обернувшись, увидела стоявшего за ее спиной парня с красными волосами. – Пойдем поболтаем, я тебя быстро научу! Меня Мика зовут, если ты не запомнила.

Елена действительно не запомнила, но пробормотала в ответ что-то вроде «я знаю», а юноша подал ей руку и, не дожидаясь, пока та решится, потянул ее за собой. Он обвел девушку вдоль полукруга столов, и они встали рядом с учителем в самом центре.

– Не бойся, говорю же! – повторил парень со странным именем Мика. – Если хочешь, я буду рассказывать про себя, а ты слушай.

И, не дожидаясь согласия, он весело продолжил, обращаясь ко всему классу:

– Еще раз привет! Я Мика. Музыкант, играю на гитаре. И делаю это, без ложной скромности, потрясаяще. А еще я пою. Гитару притащил с собой, так что я надеюсь, в этом унылом местечке иногда бывают концерты. А если нет, так мы их устроим. – Он помолчал и спросил у Елены: – Ну как, понятно?

– Конечно, понятно, – усмехнулась Елена. – Ты же на обычном языке говоришь.

– А откуда ты знаешь, какой язык для меня обычный? – возразил Мика.

– Ну, ты говоришь, а я понимаю, значит, обычный, – смутилась девушка.

Мика рассмеялся.

– А ничего, что я тут давно уже на интервикис вещаю, а ты мне на нем же и отвечаешь?

– Как? – ахнула Елена.

– Да-да-да! – подхватил учитель. – Мика говорит совершеннейшую правду. Вы общаетесь на интервикис, даже не замечая этого. Вот как это работает! Вот какой я чудесный преподаватель и какие у меня замечательные ученики.

– Не может быть, – прошептала Елена и зарделась.

Белла, которую сегодня, вместо того, чтобы хвалить как этих двоих, просклоняли перед всем классом, сидела чернее тучи. Самое ужасное было в том, что первая похвала учителя досталась опять все той же зачуханной бледной Мыши! Здесь точно крылась какая-то тайна, причем очень несправедливая. Может, если бы она заняла место в той каморке, все пошло бы иначе? Может, еще не поздно поменяться? Даже этот Мика, Тринадцатый, сам первый подошел к Елене. Неужели она могла ему понравиться? Такая скучная – яркому и веселому парню? Да еще и музыканту!

«Ну, погоди, – подумала разозленная Белладонна. – Я тебе не дам тут житья».

Глава 5. На новом месте приснись...

Елена

Неожиданное происшествие на интервикис на какое-то время позволило мне отвлечься от тяжелых мыслей о последних событиях. Конечно, началось все просто ужасно, но затем словно переломился ход истории. Впервые в жизни меня похвалили перед всем классом! Я и в обычной-то школе была почти невидимой, даже на горячо любимой мною литературе, а тут вдруг на первом, точнее, нулевом своем занятии по совершенно незнакомому языку – удостоилась похвалы! Да еще на фоне позора моей обидчицы! Хотя этот факт меня не обрадовал. Теперь она затаит еще большую обиду. Но я совсем не понимаю, чем так успела ей насолить, что она везде меня задевает. Она пришла самой последней в спальню и согнала меня с места, которое показалось мне таким чудесным. Я безропотно подчинилась, а теперь жалею об этом. Но не потому, что не дала ей отпор. Увы, достойно ответить обидчику – это не мой случай. Мне проще опустить глаза и скромно подвинуться, пропуская нахала вперед. Но то место, куда мне пришлось переселиться... Сначала я обрадовалась уюту замкнутого пространства, в которое перебралась, но потом наступила ночь.

Я снова вернулась к тяжелым мыслям. Наверное, это были всего лишь плохие сны, и это нормально, что они приходят на новом месте, когда душа полна волнений и переживаний и все вокруг еще чужое и незнакомое. Я никогда богатырским сном особо не отличалась, поэтому нет ничего удивительного в страшных, точнее, странных сновидениях. Но они были настолько живые, настолько ощутимые, что, проснувшись, я слишком четко могла представить все до мельчайших подробностей. Эти воспоминания не тускнели со временем, и я то и дело ловила себя на мысли, что верю в реальность ночного происшествия.

В конце концов, если сама школа магическая (о боже, в мире существует магия!), то почему здесь не может быть аномальных вещей? Вполне возможно, что это и не аномалия вовсе, а совершенно нормальный ход событий для этого места. Надо было с кем-то об этом поговорить – с теми, кто намного лучше во всем разбирается, но я пока не знала, с кем. Мне кажется, что меня тут обходят стороной, словно я изгой или невидимка. Я знаю, это всегда было моей проблемой: мне очень трудно обратить на себя внимание, трудно знакомиться, но здесь это холодное равнодушие, исходящее от многих учениц, я будто ощущала кожей. Наверное, Белла настроила всех против меня, но за что? Я же не перечила ей, освободила кровать и ушла в свою каморку.

При мыслях о каморке по позвоночнику снизу вверх пронеслись острые ледяные уколы озноба, и меня слегка замутило. Какое счастье, что сейчас только начало дня и до ночи еще далеко. Я провожу небольшой перерыв между первым и вторым уроком, сидя на одном из маленьких балкончиков, которыми буквально усеяны массивные, величавые стены нашей школы. Эта причуда местной архитектуры очень пришлась мне по душе. Почти над каждым балконом есть козырек, защищающий от ненастья. Здесь можно спокойно стоять, облокотившись на каменные перила, и сквозь пелену дождя созерцать темно-зеленые кроны деревьев, простирающиеся вдаль. Листья пока не тронули яркие осенние краски. Осень еще только в самом начале своего пути и не успела расцветить этот мир на свой лад. Правда, я и не знаю, что происходит тут с природой. Может быть, этот бесконечный дождь так и будет литься круглый год, деревья останутся зелеными, а воздух – теплым и свежим, пахнущим скошенной травой и хвоей. Я пригляделась, силясь за потоками воды разглядеть сосны, но не смогла. Сплошной зеленый ковер, начинающийся у подножия горы, на которой стояла наша школа, раскинулся насколько хватало глаз, пересеченный широкой темной линией. Как ни всматривалась я – не поняла, что это такое, но предполагаю, что сам город дождя. Сверху непонятно, далеко ли до

него идти. Я там не была. Я как-то сразу оказалась на пороге школы, все скудные наставления и напутствия получив еще на *той стороне*.

Странно, что мне так легко удалось занять на перемене один из балкончиков, хотя, наверное, они могут привлечь только таких унылых одиночек, как я. Большинство учениц на переменах сбивается в стайки, увлеченно что-то обсуждая, а здесь может уместиться два, от силы три человека. Что ж, зато у меня уже есть в этом месте свой любимый уголок, куда можно забиваться в перерывах и смотреть вдаль, наслаждаясь чистым воздухом. Мне вдруг подумалось, что город дождя – вполне подходящее для меня место: такое же тоскливое и унылое, как я сама. Может быть, мне даже удастся его полюбить, если я не утону в его глубоких лужах.

Отгнав набежавшие вновь ночные воспоминания, я вернулась в памяти к эпизоду на интервикис. Вот с кем можно будет поговорить обо всем, происходящем тут! Мика, тот парнишка с красными волосами. Может быть, он просто пожалел меня и решил поддержать и больше не захочет со мной общаться, но попытка не пытка. По-моему, он и сам не очень-то вписывается сюда. Парень даже в обычном учебном заведении вызывал бы косые взгляды, а тут, в магической школе, с этой своей безумной прической и в донельзя рваных джинсах, он выглядел, как нечто инородное. Но, кажется, его это совершенно не беспокоило. Как бы его найти? Вчера, в воскресенье, я долго бродила по двору и зданию школы, где обычно собирались компании учениц и учеников, но Мику точно не видела. Я бы его сразу запомнила. А сегодня после интервикис нас развели по разным занятиям, и я не успела перекинуться с ним и парой слов. Даже спасибо не сказала за то, что он меня подбодрил.

Я так понимаю, что и у меня, и у него на первом занятии была всего лишь общая вводная лекция, довольно скучная, где учитель сонным голосом рассказывал нам про школу, про ее важность и нужность, про наш вклад в общее дело. Я знаю, что мне надо буквально полностью удариться в слух, потому что только на занятиях я смогу хоть что-то понять, но как же он нудно говорил! Когда учитель заканчивал фразу, я уже забывала, с чего он начал. Надо сосредоточиться и на следующем занятии быть повнимательней.

Пока я не разобралась, по какому принципу тут разделяют учеников. Я почему-то опять попала на урок с Беллой, но, к счастью, мы оказались очень далеко друг от друга. Занятие проходило не в маленьком помещении, как на языковом уроке, а в большом зале, где ученики сидели в амфитеатре за крошечными столиками. Белла умудрилась занять место в первом ряду, а меня, как обычно, унесло на самый верх, за один из последних столиков.

Еще я хотела бы пообщаться с Хлоей – так зовут рыжую девчонку с разноцветными глазами. В воскресенье она, как и остальные, игнорировала меня, словно после знакомства с Беллой полностью потеряла всякий интерес. Но она хорошо меня встретила, и я надеюсь, мне удастся вернуть ее расположение. Ну, а нет так нет. Я привыкла. Только бы Мика не оттолкнул. Надо же, когда я попала сюда, то была уверена, что здесь нечто вроде закрытой школы для девушек, но в воскресенье, когда у нас была масса свободного времени, я встречала повсюду много ребят. Оказалось, школа смешанная. Гуляя по двору под прозрачным школьным зонтом, который мне вручили взамен того, что дал охранник, я нечаянно наткнулась на группу парней, среди которых был... Мне слово трудно подобрать, чтобы описать свои ощущения в то мгновение, когда я увидела его лицо. Я никогда не видела таких красивых лиц, таких притягательных молодых людей. У меня даже сердце заколотилось! Я не знала, что какой-то обычный парень может вызывать такие эмоции, такой ураган чувств! Я видела симпатичных мальчишек в нашей школе, но, зная, что они все равно на меня не обращают внимания, приучилась их не замечать. Но этого невозможно было не заметить и забыть тоже. И как же горько от мыслей, что уж такой красавец точно никогда в жизни не посмотрит в мою сторону. Даже на сантиметр головы не повернет.

Тем не менее я, рискуя быть замеченной и опозоренной его друзьями, принялась крутиться вокруг да около, прохаживаясь неподалеку, и, кажется, мне удалось расслышать его

имя. Друзья называли его Элай. Что это за имя? Элайджа? Даже имя волшебное по своему звучанию. Надо же, удивительно, как оно нашло своего обладателя.

Что ж, пусть он не обратит на меня внимания, но, представляя прекрасное лицо, я могу наслаждаться его красотой и немножко мечтать, и это счастье у меня никто не отнимет. А еще мне есть с кем поговорить о сокровенном. Ну, не поговорить, а помолчать вместе, передавая мысли бумаге через стройные ряды букв и слов. Моя любовь к литературе и писательству зародилась давным-давно. Первое, что я начала писать, помимо школьных сочинений, – это записи в моем дневнике. Сначала то были куцые коротенькие строчки, которые сейчас даже смешно перечитывать, но мой дар развивался, и получалось все лучше и лучше. Я оттачивала слог в рассказах о тех днях, что уже прожила, о происшествиях, участником или наблюдателем которых стала. Я научилась не просто передавать хронологию событий, а описывать это красочно и образно, вставляя, где нужно, диалоги и сдабривая все это своими впечатлениями. Иногда я могла забросить свой дневник на несколько месяцев, но неизменно к нему возвращалась. И постепенно поняла, что очень хорошо знаю, в каком направлении буду торить дорогу во взрослую жизнь. Однако мою судьбу решили без моего же участия, и писательская карьера останется лишь пробами пера на страницах дневника, с которым я могу делиться чувствами и мыслями.

В воскресенье я уже пыталась сделать несколько записей, рассказав о впечатлениях от школы и всего, что меня сейчас окружало. Я должна была при этом упомянуть и ночное происшествие, но тогда это была всего лишь одна ночь, и я надеялась, что сон не повторится. А раз так, то, может быть, лучше его забыть. Поэтому я не стала ничего писать. Но все повторилось и длилось дольше, чем в первый раз, и я просыпалась почему-то реже, словно то, что находилось по ту сторону сновидения, уже разобралось, как меня удерживать там, не отпуская в реальный мир.

По школе прокатилась мелодичная трель звонка, и через распахнутое окно балкона я услышала сбивающийся топот ног: все спешили по своим классам. Я с трудом заставила себя оторваться от перил и шагнуть в помещение. Эх, надо было взять дневник с собой на занятия, чтобы каждую перемену уединяться на балкончике с тетрадкой и писать. Я же оставила его в каморке под подушкой. Надо все-таки будет найти дневнику более надежное место, ведь я собираюсь доверять ему свои тайны.

* * *

Следующим уроком у нас были виды дождей. Он назывался как-то иначе, я не запомнила, но суть была такая. На этих занятиях нас ожидали рассказы обо всех дождях, что только бывают на свете. Таких уроков должно быть немного, они скоро закончатся, и мы перейдем к более сложному этапу. Но вначале мы будем подробно изучать, что такое обложной дождь, почему дождь под солнцем называется грибным. Нам будут все наглядно демонстрировать: ливни, косые дожди, морось и даже ледяной дождь. Пока для меня эти погодные явления были все на одно лицо, просто где-то воды больше, а где-то меньше. Да еще пузыри на лужах далеко не всегда бывают.

В просторном кабинете, где мы собрались, не было обычных окон. Окно – одно-единственное, огромное, во всю стену и без рам – больше походило на экран кинотеатра. Когда пойду гулять, надо будет обязательно посмотреть, как оно выглядит снаружи.

Во время урока мы таращились за окно, потому что Джейкоб – наш преподаватель – показывал нам разные дожди. Он не творил никаких заклятий, просто долгим и внимательным взглядом смотрел вместе с нами сквозь стекло, и дождь то лился сплошным потоком, словно разверзлись небеса, то вдруг прямо на глазах стена воды прореживалась и превращалась в тончайшие дождевые нити, затем падала крупными редкими каплями, а потом вдруг распылялась водяными брызгами.

Я вместе с учениками заворуженно наблюдала за тем, как сменяются за окном дожди, но нет-нет да бросала взгляд на учителя, который очень сосредоточенно управлял своей стихией. Дождевые потоки словно отражались в его умных серых глазах, и казалось, что вода переливается внутри них, струится и закручивается в водовороты. Я наконец оторвала от него взгляд, потому что это становилось уже странным и даже неприличным. Но меня так и тянуло посмотреть на него снова. Джейкоб был довольно молод по сравнению с учителями, которые вели занятия до него. Длинные темно-русые волосы, прочерченные слева тонкой серебристо-седой прядью, легкими волнами спадали ему на плечи, обрисовывая благородный овал лица.

Его голос был очень тихий и приятный, и все ученики слушали его рассказ, затаив дыхание и боясь пропустить хоть слово. Сквозь стекло почти не проникал шум воды, поэтому в классе было очень тихо. Когда учитель принялся менять дождь, чтобы продемонстрировать нам все, на что способна эта стихия, он сдвинул на стене возле окна какой-то рычажок, и стекло со свистом уехало вниз, внутрь толстой каменной стены, а перед нами тут же зашелестели водяные струи. Затем этот мерный звук сменился на частую дробь по подоконнику, когда сверху полетели крупные капли, и ученики резко отодвинулись от распахнутого окна, чтобы на них не попали брызги. Однако ни единая капля не проникла внутрь класса, и всем этим управлял один человек – наш учитель с печальными дождливыми глазами, от которых очень трудно было отвести взгляд. Я даже не знаю, чья внешность и манеры меня впечатлили сильнее – Элая или Джейкоба, но от последнего исходило какое-то невиданной силы спокойствие. Казалось, что пока этот человек рядом, нам ничего не грозит. Даже мои страшные сны отступили на задний план, и я почти про них забыла. Увы, как только я покинула класс, воспоминания снова нагрянули. И пусть до ночи было еще далеко, но с утра уже минуло несколько часов. Ночные страхи крошечными, незаметными шажками подкрадывались ближе.

Я снова скрылась на одном из пустовавших балконов и задумалась.

Не успела я расстроиться из-за того, что этот красивый учитель пробудет с нами совсем недолго, – ведь уроков Джейкоба осталось не так много, – как он сказал, что его роль, возможно, на этом не заканчивается. Оказывается, некоторым ученикам он станет наставником, но все решится уже после окончания его курса. Что делает наставник, не знаю, но как я поняла, это кто-то вроде куратора. Он будет поддерживать тех учеников, которых к нему определят, до конца учебы. Как же мне хочется, чтобы в их числе оказалась и я! Просто приходит в его кабинет в моменты каких-то трудностей, по учебе или нет, это ли не счастье? Иметь возможность поделиться с ним радостью или горем, услышать слова одобрения или утешения, произнесенные тихим, проникающим в душу голосом. Пусть мне хоть раз повезет! Пожалуйста!

* * *

Этот перерыв оказался немного длиннее предыдущего, и я опять пожалела, что не взяла дневник. Можно, конечно, было бы записать в учебной тетради, но здесь их выдавали каждому ученику и сразу отмечали в журнале, словно вели учет. Вдруг эти тетради не требуют проверки, потому что учителя и так видят все, что в них написано? Это глупость, конечно, но лучше не рисковать. Я настолько еще плохо разбираюсь во всех магических премудростях, что на свои знания пока ориентироваться не стоит. Кто знает, насколько широко тут применяется магия и в каких областях она вообще действует?

Я перегнулась через перила и посмотрела вниз, слегка высунувшись из-под навеса. Дождик тут же принялся ласково трогать мою макушку легкими каплями. Интересно, это Джейкоб ослабил дождь после занятия или просто иссякла очередная туча? А впрочем, если я не ошибаюсь, за всеми дождями постоянно кто-нибудь да следит и, если нужно, подправляет.

Впереди меня ожидало последнее занятие: кажется, что-то вроде урока истории по образованию городов стихий. Как же это было странно! Вместо того, чтобы изучать основы, жанры

и историю журналистики, как полагается студентам первого курса института моей мечты, мне приходилось слушать о том, как были созданы города, чтобы с их помощью сохранять баланс и равновесие погоды на Земле. И не сказать, что это совсем не интересно, просто меня не покидает ощущение, что я нахожусь в каком-то затяжном бредовом сне. Но нет, все это не снится и происходит на самом деле. Зато настоящие сны ко мне подбираются ночью: странные, безумные сны, в которых я тоже до конца не уверена, что сплю.

Как я уже упоминала, моя каморка представляла собой аппендикс в углу спальни, ограниченный с трех сторон стенами, где помещалась единственная кровать. Эта каморка находилась рядом с умывальными, которые вместо того, чтобы сделать по ширине спальни, почему-то укоротили на ширину моего закутка. Возможно, изначально там предполагали что-то хранить, например, оставлять чемоданы, но вместо этого устроили еще одно спальное место. Когда меня прогнала Белла и я попала сюда, я была почти счастлива, что теперь смогу спать практически в собственной комнате. Я улеглась головой к общей спальне, чтобы даже не видеть это помещение, создавая себе иллюзию полного уединения. Неожиданно быстро я провалилась в сон.

Проснувшись я резко, словно меня кто-то толкнул. Почему-то первой мыслью было, что девочки решили надо мной подшутить, но рядом никого не оказалось. В помещении было совершенно светло, что само по себе казалось странным, ведь в мою каморку свет проникал очень плохо. Похлопав в недоумении глазами, я вдруг сообразила, что нахожусь совсем не там, где заснула. Вместо проема в изголовье моей кровати сейчас была совершенно глухая стена, зато остальных стен, которые так надежно укрывали меня от чужих взоров, теперь не было! Я лежала почти посередине просторной и довольно светлой комнаты, в которой, кроме меня, не было ни души. Неужели это такая школьная шутка? Перетащить ночью спящего человека в другую комнату и оставить там. Сейчас, стало быть, все шутницы сгрудились где-то и подглядывают за мной из-за угла. Я хотела привстать на кровати, чтобы поискать, где может быть их укрытие, но не смогла подняться даже на локтях. Я едва приподнялась и тут же бессильно рухнула обратно, словно мои конечности весили по полтонны каждая. При этом тяжести в теле я не ощущала, просто не могла больше пошевелиться. Я попыталась позвать на помощь, и голос меня подвел. Я почти беззвучно что-то просипела, но не смогла произнести ничего связного, словно губы и язык перестали слушаться. Страх накрыл меня липкой волной, захлестнул по самое горло, и мне показалось, что дышать становится все труднее. То, что в помещении было светло как днем, не убавляло ужаса, а, наоборот, диссонировало с происходящим, будто в какой-то чудесный солнечный день я, придавленная неведомой силой к постели, медленно и мучительно умираю.

Я лежала и ждала своей смерти, и лучи солнца, которые просачивались сквозь разноцветное витражное окно, казались зловещими и живыми. Полупрозрачный рисунок на стенах, что лучи рисовали сквозь витраж, представлялся мне важным посланием. Там было что-то изображено, но как только я пыталась разобраться, рисунок плыл и искажался, не давая мне ухватить смысл. Лучи змеились и уплотнялись, становясь похожими на гигантских червей, и вот в этот момент я наконец поняла, что сплю. Облегчение разлилось по телу, потому что можно было больше не бояться за свою жизнь и не пытаться разгадывать секрет витражного рисунка. Необходимо было лишь вырваться из хватких лап сновидения, которое, однако, вцепилось в меня накрепко.

В плену злого сна я находилась словно целую вечность. До избавления был всего лишь шаг, но сделать его не получалось. Страх снова стал комом подкатывать под горло, потому что я вдруг подумала, что на самом деле проснуться мне уже не суждено. Может быть, это моя предсмертная агония, может быть, во сне всегда умирают именно так, никто же не знает, что чувствовали люди, казалось бы, тихо и безболезненно отошедшие во время сна. Мы скорбим и одновременно радуемся за почивших, если они просто тихонько гаснут, без боли, без стонов и

мук, но, может быть, не стоит так обольщаться, утешая себя их легкой смертью? Вдруг смерть во сне – это самое страшное, что может с нами случиться?

Не представляю, сколько длилось это подобие агонии. Ужас заполонил каждую клеточку моего тела, но как только я уже думала, что сильнее бояться нельзя, мне становилось еще страшнее. Комната стала казаться ненастоящей, нарисованной – грубо и неумело. Черви-лучи толстыми корявыми палками елозили по полу, медленно, будто на ощупь, подбираясь к моей кровати. Не знаю, чем бы это кончилось, если бы меня не разбудила одна из учениц.

– Эй, – довольно неприветливо пробурчала она. – Хватит разлеживаться. Ишь как разоспалась. Так скоро совсем просыпаться не захочешь.

Она, постояв надо мной с угрюмым лицом и убедившись, что я уже не собираюсь проваливаться в сон, наконец ушла, а я приподнялась и села на постели, поспешно развернувшись лицом к спальне. Все было на месте: стены, проход. Руки и ноги двигались, как им положено, губы шевелились. Только картинки из жуткого сна до сих пор стояли перед глазами, и я невольно оглянулась назад, потому что мне казалось, что именно сейчас щупальца кошмарных лучей должны были достигнуть моего места. Взгляд уперся в сумрачную стену, и я отвернулась. Кое-как заставив себя слезть с кровати, я отправилась умываться.

* * *

Унылое дождливое воскресенье тянулось довольно долго, и я не знала, огорчаться или радоваться, что меня никто не трогает. Я бродила в одиночестве, потом делала короткие записи в дневнике, снова гуляла. Ночной кошмар почти забылся, и я совершенно не беспокоилась о предстоящей ночи. И лишь когда пришла пора готовиться ко сну, что-то кольнуло меня в сердце, и оно наполнилось тревогой, будто укол тот был отравленным. Мне вдруг разонравился мой уютный уголок, который словно наполнился запахом затхлости и пыли. Полумрак, что так поначалу приятно скрывал меня от чужих глаз, выглядел теперь опасным, и казалось, что в каждом углу затаились до поры до времени сонные тени, которые только и ждут команды проснуться и наброситься на меня. Я быстро разделась, юркнула в постель и поджала под себя ледяные ноги, хотя в спальне было тепло. В эту ночь я уже не рискнула улечься так, чтобы не видеть комнату, где спокойно спали остальные девчонки. Сейчас мне нужно было их общество.

Я зачем-то пыталась бороться со сном, но вдруг ощутила ту самую знакомую тяжесть, что навалилась на меня в прошлый раз, не давая подняться на кровати. Но это не могло происходить наяву. Неужели я так быстро и незаметно заснула? Что, если я опять попала в тот страшный сон?

Но в прошлом сне я оказалась в светлой просторной комнате, которая находилась в противоположной от нашей спальни стороне. У меня еще тогда мелькнула мысль, что я словно в другом измерении, где все немного иное, и неизменна лишь моя кровать, которая стоит на прежнем месте, а все остальное сдвинулось и исказилось. В наших окнах не было витражей, стены были покрашены другой краской.

Сейчас же я продолжала лежать в темноте. Вроде бы ничего не изменилось. Может быть, я все-таки еще не заснула? Мне с огромным трудом все же удалось оторвать голову от подушки, чтобы посмотреть на спальню, и я с ужасом увидела перед собой стену. Похолодев, я повернулась вправо и влево: так и есть. Остальные стены опять исчезли или раздвинулись, не знаю, насколько далеко – в темноте было не понятно. А еще я очень явственно ощутила, что вместе со мной здесь есть кто-то еще.

Я еще в детстве приобрела привычку закрываться от того, что меня пугает. Всегда отворачивалась от темной комнаты, в которой спала, к стене, если мне вдруг становилось страшно. Словно неведение могло меня от чего-то оградить или спасти. Так и сейчас, мне совершенно не хотелось ничего видеть, и ерунда все это, что кто предупрежден, тот вооружен. Я даже дви-

нуться с места не могу, а если еще и увижу нечто кошмарное, то чем мне это поможет? Проще зажмуриться и лежать, надеясь, что все примерещилось.

Но кровать подо мной вдруг мелко и часто затряслась. Тело почувствовало неприятные вибрации, словно тяжелую металлическую кровать с огромным трудом куда-то передвигали по корявому каменному полу, и это почти больно отдавало в позвоночник. Я с ужасом поняла, что мое ложе не просто движется, скрежеща железными ножками, а медленно поворачивается так, чтобы я снова оказалась лицом к комнате. Я только сейчас поняла, какой это отвратительный звук. Наконец он прекратился, и кровать замерла. Я опять увидела витражное окно, только теперь сквозь него проникал странный, белесый, с оттенком зелени свет, напоявший меня плесенью. Эта плесень отражалась на противоположной окну стене и как будто даже стекала с нее. Ощущение, что я тут не одна, никуда не делось. Кто-то был рядом, и мне казалось, что я уже слышу его тяжелое дыхание, но он будто не отваживался подойти ближе. Нелепо, но я почувствовала его страх и досаду, направленную на меня. Я как будто была ему не по зубам. Ему – кому?

Я ожидала, что зеленоватые лучи снова начнут превращаться в плесневых червей, но ничего такого не произошло. Из ниоткуда полился тихий шепот прямо мне в душу. Я не могла разобрать слов, но они явно просили, умоляли меня что-то сделать, что-то открыть, пустить. Я сжалась изо всех сил, напряглась, пытаясь проснуться, потому что чувствовала, как поддаюсь на этот просящий тихий голос и хочу ему довериться и открыться. Если я так сделаю, возможно, тяжесть уйдет из моих рук и я верну голос, который снова пропал, а тихий шепот обещал мне что-то слишком заманчивое, чтобы я могла ему сопротивляться. Страх боролся с неведомым ранее желанием, и я почти теряла сознание от раздражавших меня противоречий. Я знала, что должна противиться, но мне так хотелось поддаться. Я не понимала слов, но чувствовала то, что стояло за ними. Я все еще сражалась с соблазном, когда вдруг резкая вспышка света озарила темную комнату, и тут же все погрузилось во мрак, еще более густой и черный, чем раньше, но я успела увидеть невдалеке от кровати серую тень – полупрозрачную мужскую фигуру, которая склонялась надо мной. Это он звал меня и обещал что-то заманчивое, но теперь его шепот умолк, а вместо него я услышала грубый женский голос.

– Эй, новенькая, проснись! Как тебя там, Елена? Вставай давай! Я не смогу каждый раз тебя вытаскивать!

Я открыла глаза. Как и накануне, меня разбудила та же самая угрюмая девчонка. Она опять сразу ушла, а мне запали в душу ее слова: каждый раз вытаскивать. Что она имела в виду? Откуда она меня вытащила? Из страшного сна? Я уже в это не верила. Происходящее снова было чересчур реальным, к тому же что-то еще не давало мне покоя, и когда я это поняла, то словно приросла к кровати. Я снова проснулась головой к спальне. И не потому, что как безумная металась на постели и вертелась во сне. Моя тяжелая железная койка действительно была повернута на сто восемьдесят градусов. Но это было невозможно, она бы застряла в узких стенах! Неужели мне придется признать, что ночью я находилась где-то в другом месте?

Я вспомнила тень мужчины и почувствовала, как по позвоночнику потекла капля ледяного пота.

– Елена, ты что застыла на кровати, как парализованная? У тебя сегодня занятие раннее, ты почти опоздала! Я не нанималась за тобой следить! – Раздраженный голос выдернул меня из оцепенения. Я машинально слезла с кровати, быстро умылась, оделась и отправилась на свой первый интервикс.

Глава 6. Из дневника Елены

Дорогой дневник, добралась я до тебя. Столько надо рассказать, что у меня мысли разбегаются. Те краткие записи не в счет. Мне хочется как можно подробнее описать все, что со мной происходит сейчас, эту новую странную жизнь в мире магии, где царствует стихия дождя. Хочется поделиться обидами: может быть, написав об этом, я облегчу душу. А возможно, смогу что-то понять. Я замечала, что мысли, которые бушуют в голове, кажутся набором или бессмысленных фраз, или сложных умозаключений. А когда напишешь весь этот бред на бумаге, сразу все раскладывается по полочкам.

А мне уже очень нужно все рассортировать.

Эта странная школа, в которой мне волей судьбы выпало оказаться, очень сильно усложнила мне жизнь. Я узнала, что на свете есть магия, которую все мы считали принадлежностью глупых сказок. Оказалось, что магия не просто существует, а еще и влияет на жизнь людей. А самое интересное, я со всем этим очень тесно связана.

И иногда от этих мыслей у меня мурашки по коже и какая-то нездоровая бодрость, ведь это же даже не с чужих слов. Я видела собственными глазами пусть совсем немного, но зато столь невообразимое, что сразу поверила в магию. Как же приятно осознавать, что ты к этому причастна и умеешь делать то, на что не способны другие. Омрачают все лишь редкие мысли о несбывшихся мечтах и планах. Мой институт, в котором я должна была постигать азы журналистики. Который я знала изнутри буквально вдоль и поперек, потому что очень тщательно рассматривала на фото его аудитории, коридоры, корпуса. И в который так и не поступила.

Зато я учусь управлять дождем, да. Равноценная замена?

Позже

В прошлый раз меня прервали. Точнее, раздалась трель, наверное, на всю округу, возвещающая, что начинается следующее занятие, и мне пришлось оставить свой любимый уютный балкончик. А теперь уроки подошли к концу, я очень хочу продолжить и рассказать все, что накопилось. Правда, делать это у всех на виду я не люблю. Я нашла еще один укромный уголок – одинокую лавочку на территории школы. В этом месте за основным зданием мало кто бывает, тут все заросло травой, которая пробивается даже сквозь мощеную камнями небольшую площадку. Впрочем, камни уже почти не видно: под нескончаемыми дождями зелень очень хорошо и буйно растет.

Эта лавочка с навесом, как и все остальные, ведь потоки воды с неба не прекращаются, а далеко не все умеют отводить их от себя, поэтому вокруг школы очень много таких укрытий и беседок. Я все чаще ловлю себя на мысли, что начинаю проникаться этим местом. Мне тут уютно. Если не считать нескольких страшных ночей, которые мне довелось пережить. Кошмары неожиданно прекратились, и я наслаждаюсь крепким сном. Наверное, мне показалось, что кровать была повернута, видимо, я еще не отошла от жуткого сновидения. Сейчас же я даже не помню, что мне снится, и надеюсь, так будет и дальше. Еще меня держала в напряжении непонятная неприязнь Беллы, но вот уже несколько дней она меня не трогает и как будто не замечает, и думаю, я уже могу вздохнуть спокойно. Может, она нашла новый объект для издевательств, а может, ей просто все это надоело. Наверное, у нее появились новые друзья и подруги. Ведь когда у человека все хорошо, ему не хочется вредить другим. Так пусть же у нее будет все хорошо.

Главное, о чем я так спешу рассказать, это о своих внезапных чувствах, которых никогда раньше не испытывала. Его зовут Элайджа, и он красив как бог. Я, конечно, не знаю, как выглядят боги, и до определенного момента я в них не верила, хотя теперь не удивлюсь, что и

они существуют. Может быть, они просто иначе называются. Может быть, даже мы уже на одну ступень ближе к ним, чем обычные люди. Возможно, те самые боги и создали наши города стихий. Здесь их называют магами-творцами. Думаю, это почти то же самое.

Элайджа.

Какое прекрасное имя. Нежное, звенящее. Мне нравится повторять это слово и чувствовать его вкус на языке. Я почти не позволяю себе смотреть на него, по крайней мере, подолгу, но я очень хорошо помню его лицо, и мне не составляет труда вызывать его в своем воображении. Как жаль, что я не умею рисовать. Мне удастся красиво излагать мысли, но я не могу запечатлеть любимый образ. Конечно, он никогда не узнает о моих чувствах. Когда он проходит мимо, то смотрит сквозь меня, будто я не существую. Но мне нравится закрывать глаза и любоваться его красотой. Меня почти не обижает его равнодушие, я никогда и не надеялась на взаимный интерес.

Думаю, я еще много буду о нем писать, потому что его присутствие здесь почему-то делает это место еще более значимым. Мне так бы хотелось увидеть его в магическом действии, посмотреть, как он меняет погоду, как управляет дождем. Но все мы пока еще в самом начале пути, и мало у кого это получается. А уж тем более то, что на первом же занятии продемонстрировал нам учитель Джейкоб. К сожалению, он не будет моим наставником, вместо него мне назначили совсем другого учителя, который у нас пока ничего не вел. Не знаю, как я смогу открываться ему, ведь роль наставника именно в том, чтобы поддерживать и выслушивать своих подопечных. А я своего почему-то побаиваюсь. Это не стеснение, а именно какой-то подсознательный страх, словно я чувствую опасность, исходящую от него. Может быть, это из-за его внешности: у него черные как смоль волосы и глаза как уголья, такие же жгучие. Мне даже взглядом с ним страшно встречаться, не говоря уж о том, чтобы доверить какие-то переживания. Но, увы, это не мне решать и не самому наставнику. Надеюсь, мне просто не потребуется его помощь.

Ох, кажется, сюда кто-то идет. Я уж была уверена, что в эту сторону никто не забредает, но ошиблась. Может быть, кто-то такой же тихоня, как я? Не забыть написать про Мику и про Кейру. Все, пока.

Глава 7. У позорного столба

Субботнее утро встретило Елену тихим шелестом мелкого дождика за окном. Этот дождь походил, скорее, на крошечную водяную пыль, а не на струи или крупные капли, на которые были так щедры извечные серые тучи над городом. Эти мелкие брызги приятно охладили лицо, и от них не хотелось прятаться под навес. Елена это знала, так как уже один раз застала такой дождик. Ей хотелось думать, что его «настроил» Джейкоб, чтобы в субботу можно было погулять, не таская в руках громоздкий зонт.

Девушка поднялась с кровати в хорошем настроении и отправилась в умывальню. Уже три учебных недели остались позади, и наступили очередные выходные. За этот небольшой промежуток времени, что ученики осваивали магические премудрости стихии дождя, они поднялись на одну маленькую ступеньку из почти бесконечной лестницы умений и даже могли продемонстрировать простые фокусы с водой. Кто-то ненадолго мог отвести от себя небольшой дождь, лившийся сверху. У кого-то стало получаться вызывать воду из ниоткуда, как когда-то это нечаянно натворила Белла на первом интервикис. Некоторые новоиспеченные маги, взявшись за руки и объединив свои силы, пытались управлять дождем, усиливая его или, наоборот, заставляя затихать, и иногда это получалось. Со многими заданиями отлично справлялась Белладонна, но от нее этого и ждали, зная об особенном даре. У Елены пока не выходило ничего. Она продолжала делать то, что умела намного лучше всего остального: делиться с дневником своими сокровенными мыслями, описывать события, легко управляя словами и соединяя их в красивые и элегантные предложения.

Дурное предчувствие кольнуло девушку еще в умывальне, когда она, набрав в сложенные ладони ледяной воды, опустила туда лицо, чтобы быстрее проснуться. Острая игла страха вошла в сердце и тут же вышла, оставив томящее, неприятное чувство нараставшей тревоги, разливавшейся в груди.

Умывшись, переодевшись и застелив кровать, Елена отправилась вслед за остальными ученицами на завтрак в просторную столовую, где длинными рядами стояли обеденные столы. Кормили здесь вкусно, и школа уже меньше напоминала Елене сиротский приют для девочек, который она видела в старом фильме. Сегодня кусок не лез в горло из-за смутного беспокойства на ровном месте, но девушка заставила себя через силу прожевать блестящие масляные блины, к которым было подано на выбор несколько начинок: сметана, красная рыба, мед и варенье. Она постоянно чувствовала на себе чей-то взгляд, и это не давало ей покоя.

«Неужели опять Белла?» – тоскливо думала Елена. Она поискала обидчицу глазами и увидела ту, уже выходящую из столовой в компании нескольких девчонок, в том числе и Хлои с разноцветными глазами, которые она уже с утра успела оттенить своим потрясающим, мастерским «смоки айс». Девчонка повсюду таскалась за Беллой, как ниточка за иголкой, и Елене даже отчего-то было неловко за нее. Хлоя была такая яркая и необычная, зачем ей нужна такая странная, снисходительная дружба?

На выходе Белла вдруг резко обернулась и вперила свои черные глазищи прямо в лицо Елене, хотя та сидела в самой глубине зала. Значит, она знала, где расположилась ненавистная ей девушка, и это именно Белла следила за ней. Обидчица что-то сказала подругам, и те нарочито громко захохотали, привлекая внимание остальных. В их сторону стали поворачиваться ученики, сидевшие за завтраком, и девчонки наконец скрылись из виду.

Елена сегодня пришла на завтрак совсем одна. Иногда ей составляла компанию Кейра – та самая угрюмая девушка, что дважды вытаскивала ее из страшных снов, как она сама это называла. Кейра была крупной девицей с довольно грубыми чертами лица. При желании она, наверное, могла бы выглядеть привлекательно, но, казалось, ей было все равно. Елена никогда

не видела, чтобы та улыбалась, хотя и поставила себе целью растормошить новую знакомую. Этим утром Кейра завтрак пропустила.

– Нет аппетита, – коротко бросила она позвавшей ее Елене, и та ушла одна.

С Микой тоже удалось пообщаться несколько раз, но он каждый раз куда-то торопился. Оказывается, он набрал еще кучу каких-то факультативов, даже не касающихся магии. Потом умудрился-таки сколотить небольшой коллектив из мало-мальски умеющих музицировать ребят и все свободное время пропадал на репетициях.

– Приходи к нам, послушаешь! – позвал он как-то раз Елену во время очередной короткой встречи. Они остановились в школьном коридоре, и Мика, выставив перед собой черный кофр, облокотился на него. Девушка вспыхнула, представив угрюмый подвал с низкими потолками и запахом сырости, где, по ее представлению, должны были играть молодые музыканты. Она один раз в жизни попала на такую репетицию еще в обычном мире, ее затащил туда одноклассник. Наверное, единственный из мальчишек, с которым она общалась в школе, потому что они дружили с самого детства. Их подростковая группа играла «ну очень тяжелый металл», как она его сама потом окрестила, не зная ни единого термина. Мероприятие ей жутко не понравилось: затхлый и грязный подвал, какофония звуков, состоящих из железного грохота и немзыкального ора. Прошмыгнувшая под ногами крыса завершила живописную картину, после чего Елена с репетиции сбежала.

– Там, наверное, очень шумно, – пробормотала девушка, вспоминая свой неудачный поход в подвал, – да я ничего и не понимаю в такой музыке.

– В какой такой? – рассмеялся Мика, тряхнув головой, и красные патлы взметнулись, как огненный ореол, вокруг его лица. – Ты же даже не слышала!

Пока смущенная Елена что-то мычала, он сказал:

– Пока, конечно, не приходи. Мы только начали, нам показать особо нечего, позориться не хочется перед девчонкой. А как только будет что-то ладное, я тебя сразу позову. Думаю, тебе понравится. Кстати! А ты поешь?

– Что? – Елена вытаращилась на Мику.

– Ну, петь умеешь?

– Нет, – замотала та головой, – и не умею, и очень стесняюсь.

– Жаль, жаль, – он с досадой прищелкнул языком. – Я-то сам пою, конечно. Но разнообразить иногда не помешает. Будем искать, значит. Ну ладно, я побежал, увидимся!

Он подхватил гитару и быстро умчался куда-то по коридору, а Елена, продолжив путь, вдруг заулыбалась сама с собой. Надо же, ее уже позвали на встречу! Да еще он сказал, что пока стыдно перед девчонкой, значит, не хочет упасть в грязь лицом. Значит, ему не все равно! Нет, конечно, он просто друг и другом останется. Он смешной и добрый, но ее сердце занято Элайджей. Но все равно очень-очень приятно!

* * *

Пытаясь отвлечься мыслями о Мике и о том, что ей бы тоже стоило найти себе немагический факультатив, Елена отправилась в комнату девочек, чтобы забрать дневник и ручку. Впереди был целый день, дождик так и оставался влажной пылью, можно было бы погулять, а потом опять куда-нибудь засесть с тетрадкой, чтобы поразмышлять в ней и рассказать о последних событиях, пусть даже незначительных.

Поднимаясь по лестнице на свой этаж, Елена столкнулась с хихикающей стайкой девчонок, среди которых была и Белла. Взглянув на нее и ничего не сказав, девчонки снова как по команде грохнули хохотом и побежали вниз по лестнице. Пожав плечами, Елена продолжила путь.

В спальне почти никого не было, все уже разбрелись кто на прогулку, кто в библиотеку. Мрачная Кейра сидела у себя на кровати неподалеку от каморки Елены и массивными спицами вязала что-то длинное. Несколько девчонок в противоположном конце спальни что-то обсуждали, поминутно выглядывая в окно.

Елена с тяжелым сердцем зашла в свой закуток, присела на кровать и прислушалась к своему состоянию. Эта тревога, что продолжала понемногу расти, не на пустом же месте возникла! Девушка попыталась вспомнить хоть какой-то эпизод, что мог привести к волнению, но ничего не пришло в голову. Ну, что ж. Может быть, сейчас она заберется в свой укромный уголок за школой, примется писать в дневник и отвлечется, – решила Елена и запустила руку под матрас, под которым теперь прятала дневник.

Сдвинув в недоумении брови, она шарила по деревянным ламелям, сунувшись уже чуть ли не по плечо, и не могла найти свою тетрадь. Вытащив руку, Елена приподняла, насколько смогла, тяжелый матрас и заглянула под него. Дневника не было. Может быть, она его с другой стороны сегодня сунула?

Вначале девушка прятала свои записи под подушку, но очень быстро поняла, что ее нет-нет да видят уединившуюся с тетрадкой. Вдруг кто-то заинтересуется, если случайно увидит краешек дневника, торчащий из-под подушки? А под матрас вряд ли кому-то придет в голову заглядывать, хотя, конечно, лучше придумать еще более надежное место. Но для этого нужно сначала найти тетрадь, а ее, кажется, действительно, нет!

Сердце Елены заколотилось часто-часто. Сначала она подумала, что горничная, убираясь в их комнате, нашла ее записи. Вдруг они провалились между ламелей? Но вряд ли бы она стала их выбрасывать, скорее всего, просто положила бы на кровать. А что, если тогда-то их и увидели?

Для верности еще раз подняв матрас, обыскав всю постель и даже заглянув под кровать, расстроенная и напуганная Елена вышла из своей каморки. Кейра угрюмо взглянула на нее, не отрываясь от вязания, и снова уткнулась в свое занятие, шевеля губами и подсчитывая петли.

– Кейра, ты во время завтрака здесь была? – робко спросила Елена. Та в ответ пожала плечами.

– Да, я никуда не выходила, а что?

– А к нам никто не заходил? Может быть, у нас убирались? – девушка все еще надеялась, что это была горничная, а может быть, все еще проще? Вдруг дневник лежит сейчас в ее сумке, а она просто об этом забыла. Она уже хотела чуть ли не бежать обратно в свою комнатушку, чтобы поискать в сумке, но тут Кейра пробубнила:

– Горничной не было, а так все девочки перед прогулкой сюда возвращались. И ты знаешь, тут, с нашей стороны, Хлоя зачем-то терлась, но я не придавала этому значения и не следила за ней. У тебя что-то пропало?

– Кажется, да, – упавшим голосом ответила Елена, еще не желая поверить в случившееся. Если тут была Хлоя, приспешница Беллы, то вдруг она и забрала ее секретные записи? Боже мой, неужели они все прочтут?

Она пока даже не сильно волновалась, еще не осознав масштабы происшествия. Прислонившись к стенке возле кровати Кейры, девушка стала вспоминать все, что успела написать, и ее замутило.

– Тебе что, плохо? – вдруг забеспокоилась Кейра. – У тебя лицо серое. Что она у тебя взяла? Что-то дорогое, важное?

Елена зажмурилась и покачала головой. Дорогое. Важное. Сокровенное. Нужно было срочно бежать искать девчонок, но ноги словно одеревенели и не слушались. Может быть, они еще ничего не успели прочесть? Она их совсем недавно видела, вот чего они хохотали, у них уже был ее дневник! Собрав всю волю в кулак, она наконец заставила себя сдвинуться с места.

– Да, это важное. Спасибо, что сказала, кто тут был, – поблагодарила она Кейру и побежала на поиски обидчиц.

* * *

Беллу с подпевалами она застала в центральном дворе школы, где сейчас по случаю выходного собралось довольно много народу: и девушки, и парни. В стороне от всех стояло двое взрослых: Айгор и незнакомый Елене учитель, который еще не преподавал на ее занятиях. Даже Элайджа с друзьями был во дворе.

Елена сбежала по широкому крыльцу главного входа во двор и в нерешительности остановилась. Кто-то из девчонок заметил ее и тут же сказал Белле, вся шайка-лейка как по команде повернулись к Елене, и та с ужасом увидела свою тетрадь в руках у главной обидчицы. Если она еще лелеяла крохотную надежду в сердце, что дневник сама засунула куда-то, то теперь надежда умерла. Белла держала тетрадь раскрытой, перелистывая то вперед, то назад. До Елены долетали только обрывки ее речи, и она стала подходить ближе, вся внутренне сжимаясь от страха и унижения. Почему эта черноволосая заводила так ее ненавидит?

– Вот тут очень интересное, – услышала бедная девушка, а Белла принялась зачитывать куски из ее откровений, которые доверить можно было только бумаге.

– Белла, не надо, пожалуйста! – отчаянно крикнула Елена. – Это личное, как тебе не стыдно?

– Ой, жидкие волосенки пришли, – бросила Белладонна, усмехаясь. – Во всех смыслах этих слов.

Девчонки опять громко и почти неприлично засмеялись, и на них стали оборачиваться. Елена с несчастным видом оглядывала присутствующих, почти не надеясь, что кто-то вступится. Разве только Мика мог бы ее поддержать, но он, скорее всего, все выходные будет пропадать в своем музыкальном кружке. Взгляд девушки остановился на Элайдже, который тоже с интересом наблюдал за происходящим. «Он настолько благороден, как и красив, – промелькнуло в голове у Елены. – Может, он заступится за меня?» Учителя, на помощь которых она тоже надеялась, оказывается, уже куда-то ушли.

Елена подошла еще ближе к ненавистной компании.

– Белла, отдай мне тетрадь, пожалуйста.

Та в ответ замотала головой, а подруги преградили Елене дорогу.

– Я отдам, очень скоро, только дочитаю, – со смехом сказала Белла и продолжила озвучивать то, что Елена переносила на бумагу буквально из души. – Ой, тут даже про меня есть! Девчонки, вы только послушайте, я стала героиней романа!

Елена стояла, застыв как каменное изваяние, и ощущала, что все взгляды то и дело косятся в ее сторону. По лицу текли слезы, застыла глаза. Белла, дочитав вслух размышления о том, почему же она сама так ненавидит Елену, и сдобрив все ехидными комментариями, перешла к дальнейшим записям. Девушке хотелось убежать и скрыться, но уже было поздно. По ее искренним чувствам прошлись грязными ботинками, топчась саму душу.

– Девчонки, вы не поверите, тут про любовь есть!

– Где, где? – наперебой завизжали «прихлебалы», а у Елены замерло сердце. Неужели она посмеет озвучить даже это?

– Вот, я дочитала до самой интересной главы. Про меня еще не так интересно. А вот про... Нет, вы сейчас ушам не поверите! – Белла сделала картинную паузу, сверкнула черными глазами и процитировала: – «Элайджа. Какое прекрасное имя. Нежное, звенящее. Мне нравится повторять это слово и чувствовать его вкус на языке».

Тут уже над двором повисла тишина, и все до единого ученика обернулись на Елену, которая стояла, ощущая себя привязанной к позорному столбу. Тут, конечно, собралась не вся

школа, но скоро эти истории донесут и до остальных. Все будут показывать на нее пальцем и смеяться. Перед внутренним взором Елены вдруг на миг развернулась длинная каменная лестница, залитая водой, на которой она споткнулась в день приезда. Тогда она подумала, что пусть это будет экстренным выходом. Неужели так скоро? А она только распробовала немного эту жизнь...

Сам же Элайджа тоже обратился в слух, и, к удивлению Елены, на его лице не было ни закономерного возмущения, ни неприязни к Белле, ни нетерпеливого желания подойти и остановить творящееся безобразие. Он как будто даже слегка улыбнулся, продолжая слушать. Может быть, ему было приятно эти слова? Ведь не каждый день узнаешь, что думает о тебе тайный воздыхатель.

– А слог-то какой, зачитаешься! – красовалась тем временем Белла, выворачивая наизнанку все оголенные чувства несчастной Елены. – И чего тебя сюда занесло, тебе книги надо писать, да о любви! Тем более, что тебя устраивает быть на задворках истории. Ах, я люблю его образ в воображении. Ха, ты и поцелуй, небось, в воображении там вовсю рисуешь, а может, там даже все серьезно у вас? С воображаемым другом?

В панике Елена снова взглянула на Элайджу и не поверила глазам. Он смеялся. Не в голос, как девчонки, но рот его был растянут в улыбке, плечи тряслись от смеха, и никаких попыток прервать представление он не делал.

Записей было в тетради не так уж и много, поэтому издевательство закончилось довольно быстро, хоть и показалось Елене растянувшимся на несколько часов. Белла, еще немного покривлявшись перед публикой и вопрошая, вернуть ли тетрадку хозяйке или нет, наконец сунула оскверненный дневник в руки Хлое.

– Верни, пусть пишет дальше, очень познавательно, – бросила она и, казалось, потеряла к Елене всякий интерес. А Хлоя, не поднимая глаз, протянула девушке тетрадь и тут же ушла. Елена еще какое-то время стояла под любопытными и сочувствующими взглядами учеников, а потом медленно пошла прочь, за школу, в свое укромное место или еще дальше. С каждым шагом она ускоряла движение и скоро уже бежала, не разбирая дороги, далеко за свою любимую лавочку, куда-то вглубь лесных зарослей, между деревьями, вниз, вниз с горы. От слез девушка почти не видела ничего перед собой и, чудом лавируя между стволами деревьев, почти неслась вниз. Она даже где-то надеялась, что споткнется о корень и расшибется или врежется в дерево, но вместо этого вылетела на открытое место к высокой круглой башенке с узкими стрельчатыми окнами, в которых не было стекол. Здесь лес словно раздвигался, а пологий склон горы заканчивался обрывом, на котором и стояло это очень старое и явно заброшенное здание из красного кирпича.

Глава 8. В башне из красного кирпича

С высоты обрыва открывался вид на такие же бесконечные темно-зеленые кроны деревьев, что Елена привыкла созерцать с балкона школы, только здесь спуститься было невозможно. Дождь тем временем усилился. Под сенью деревьев, пока девушка бежала, это было не заметно, а сейчас ее сразу окатило прохладным душем. Недолго думая, она поспешила к башне, чтобы укрыться от дождя, пока не вымокла до нитки.

Поднявшись по небольшому крылечку, Елена вошла внутрь и сразу увидела перед собой убегающую вверх винтовую лестницу, огромной спиралью опоясывающую стены башни. Из центра помещения тянулся вверх узкий цилиндр из того же бурого кирпича. Похоже, эта башня была маяком. Внезапно позабыв о своих невзгодах, Елена, раздираемая любопытством, шагнула на кованую лестницу. Ступень отозвалась негромким низким гулом. До этого девушка видела маяки только на картинках, и ей стало очень интересно посмотреть, как все устроено на самом деле. Странно только, зачем здесь построили маяк, если рядом нет моря? От этого все становилось еще загадочнее, и Елена стала медленно подниматься, ведя ладонью по прохладной кирпичной стене.

В окошках не было стекол, и по зданию гуляли легкие сквозняки, но шелест дождя сюда почему-то не долетал. Окна здесь, видимо, выполняли не смотровую функцию, а осветительную, поэтому никак не совпадали по высоте с лестницей, и, лишь сделав уже несколько витков вверх, Елена добралась до окошка, из которого можно было выглянуть. Приподнявшись на цыпочках, она высунула голову в проем и чуть не потеряла дар речи: дождя не было и в помине, а вместо этого бескрайний изумрудный лес заливало солнце.

Впервые за столько унылых дождливых дней увидеть солнце! Волнительная радость буквально захлестнула Елену, и отступили на задний план ее горести и неудачи. Живительный солнечный свет словно вмиг согрел озябшую душу и придал сил. Оказывается, даже в городе дождя бывают солнечные дни. Вот это открытие! Елена какое-то время боролась с желанием выбежать из башни, чтобы подставить солнечным лучам счастливое лицо, но любопытство одержало верх, и она продолжила подъем, радуясь желтому яркому свету, проникавшему в некоторые окна. Во внутреннем цилиндре на протяжении всего пути она увидела несколько ржавых дверей, и они настолько мрачно и отталкивающе выглядели, что не возникло ни малейшего желания смотреть, что там за ними.

Елена шла вверх, под ногами хрустела каменная крошка. Лестница казалась бесконечной, но все же она преодолела ее и вышла на круглую площадку вокруг все того же цилиндра, который теперь казался значительно шире. Здесь в нем тоже была ржавая дверь с висячим замком. С площадки наверх вела еще одна небольшая лестница, и девушка, поднявшись по ней, оказалась в просторной комнате с застекленным окном в полукруглой стене. Две другие стены сходились под прямым углом к массивной деревянной двери.

Когда-то в этой комнате явно кто-то жил, сейчас она выглядела заброшенной. Толстый слой пыли лежал на каждой вещи в этом месте, на каждом предмете мебели. «Наверное, это комната смотрителя маяка, – подумала Елена. – Они же часто так живут, прямо рядом со своей работой. Но зачем же на горе маяк? И как подняться на самый его верх?»

Елене больше всего хотелось попасть в место, где должен был находиться фонарь: в круглую комнату с панорамными окнами вместо стен. Странно, что здесь не было лестницы наверх. Девушка, стараясь не задеть ничего пыльного, аккуратно прошла к двери и потянула на себя. Та легко поддалась, открыв проход в крошечный темный коридор. Оставив дверь открытой, чтобы освещать его, и постепенно приглядевшись к сумраку, Елена увидела в квадратном коридоре еще три одинаковых двери. Лестница должна была быть в одной из них!

Обрадованная Елена поочередно сунула голову в каждую из треугольных комнат и, как часто бывает, лестница оказалась в самой последней. Девушка шагнула туда.

Помещение сильно напоминало первую комнату, но только здесь было заметно чище. Словно кто-то однажды тщательно вымел всю грязь, стер пыль с поверхностей и продолжает следить за порядком, но слишком редко: тоненький слой пыли снова поселился на своем привычном месте, будто тут теперь прибиралась нерадивая хозяйка. На столе лежали книги: неаккуратно, словно кто-то их листал, а потом куда-то заторопился и оставил как есть. С кровати немного съехало покрывало, и даже осталась легкая вмятина, будто там недавно сидели. Не успела Елена подумать, что было бы неплохо прибраться в комнатах и приходить сюда, чтобы побыть в полном одиночестве, как выясняется, что здесь кто-то бывает. Может быть, такой же стеснительный одиночка, как она? Которому спокойнее и приятнее быть в тишине и спокойствии пустых комнат, пусть даже чужих и заброшенных? А может быть, он уже отучился в школе и больше не приходит?

Столько вопросов роилось в голове, столько загадок, казалось, хранила в себе эта башня. А что, если это не маяк, а водонапорная башня, поэтому по всей высоте и тянется этот цилиндр? Только сейчас Елена заметила, что одной рукой до сих пор крепко прижимает к себе дневник, успевший слегка намокнуть, пока она не укрылась от дождя. А ведь его можно прятать тут. Например, в одной из совсем уж пыльных комнат, куда не заходит даже этот таинственный одиночка. Елена вдруг подумала, что если он с таким же удовольствием скрывается ото всех, то, может быть, близок ей по духу. А может, это девушка. И если ей одиноко, они могли бы даже стать подругами.

Елена тряхнула головой, отгоняя набежавшие глупые мысли и мечты. Надо было подняться и посмотреть, есть ли наверху круглая прозрачная комната, а потом можно повнимательнее разглядеть и комнату. Особенно интересными выглядели старинные книги на столе. Заулыбавшись тому, что сейчас она, возможно, увидит тот самый волшебный фонарь на верхушке башни, который так загадочно манит в ночи морских путешественников своим светом, Елена снова стала подниматься.

Увиденное превзошло ее ожидания. Огромный овальный фонарь занимал почти половину площадки, окруженной теми самыми высоченными окнами, через которые открывался потрясающий вид на освещенный солнцем город дождя. Елене было видно бескрайние леса и крыши домов вдалеке, которые сквозь дождевую пелену обычно представлялись ей просто темным пятном. И через все небо над лесом гигантской разноцветной дугой перекинулась яркая радуга, концы которой прятались за горизонтом с обеих сторон. Даже в обычном мире девушка никогда в жизни не видела такой потрясающе красивой радуги, а здесь, в городе дождя она предстала перед ней во всем великолепии. Она была не семицветная, как принято изображать ее на рисунках. В этой радуге, казалось, были десятки различных оттенков, постепенно переходящих друг в друга.

Елена долго любовалась радугой. Она забыла, что собиралась изучить комнату, ей было все равно, что уже скоро в школе начнется обед. От чудесного зрелища невозможно было оторвать взгляд. Уставшие от постоянной серой дождевой пелены глаза будто получили заряд энергии. Девушка сняла очки и снова взглянула на радугу. Она ожидала, что та сейчас сольется в сплошное пестрое пятно, но почти ничего не изменилось. Елена все так же отчетливо могла разглядеть каждый оттенок спектра, картинки не расплывались, детали не искажались и не терялись. Пораженная, она даже протерла глаза, но ничего не изменилось: чтобы видеть волшебную радугу, не нужны были очки.

Налюбовавшись, Елена обошла по кругу всю площадку, рассматривая огромный стеклянный фонарь с разных сторон. Как же интересно, для кого он светил когда-то? Вот бы посмотреть, как он работает. Погладив нагретую солнцем стеклянную поверхность, девушка вышла на неширокий балкончик, опоясывающий фонарную комнату, и взглянула наверх. Где-

то там, на верхушке горы, за густой чащей скрывались серые каменные стены ее школы. Отсюда казалось, что это очень далеко, хотя спуск до маяка был не таким и долгим.

Пора было возвращаться, к тому же Елена хотела осмотреть комнату с книгами. Еще раз окинув взглядом синее небо с разноцветным коромыслом радуги и освещенные солнцем леса, Елена с легкой грустью вздохнула и отправилась обратно в комнату. Но подойдя к столу с книгами, она вдруг подумала, что, если не явится на обед, который вот-вот начнется, все решат, что от горя она что-то с собой сотворила и примутся ее искать. А если они тоже наткнутся на маяк? Ну уж нет! Пока никто его больше не нашел, и это будет ее тайным местом, так что лучше вернуться вовремя и не провоцировать людей на поиски. А в школьной библиотеке стоит поискать информацию про этот маяк. Подавив еще один горестный вздох, девушка перешла в комнату, в которую попала первым делом, и заспешила вниз, уже не заглядывая в окна. Свой дневник она оставила, сунув, по старинке, под матрас, стараясь не задеть толстый слой пыли, чтобы никому в голову не пришло, что здесь что-то спрятано.

Виток за витком – девушка наконец спустилась вниз, вышла из башни и застыла как вкопанная. На улице не было ни единого намека на солнце и радугу. Все так же шуршал по листве и траве затяжной дождь, водяной завесой перекрывая обзор, все так же пузырились бесконечные лужи, с трудом впитываясь в промокшую насквозь землю. Но этого просто не могло быть! Только что все сияло в лучах солнца, и пока она спускалась, окошки были светлые, а здесь, в разгар дня, все вокруг словно погрузилось в вечные сумерки. Как такое возможно, что, спрятавшись от дождя в башне, Елена почти сразу увидела солнце и радугу, а как только покинула ее стены, опять полило? Нужно было вернуться и проверить, и девушка почти не сомневалась, что внутри башни она снова увидит хорошую погоду. Но до обеда почти не оставалось времени, надо было торопиться, а подниматься в гору по лесу не так-то просто. Бросив прощальный и немного разочарованный взгляд на свое новое пристанище, Елена стала карабкаться вверх.

Глава 9. Страдания Беллы

Белла, забравшись на занятия по отведению дождя на самый последний – верхний – ряд, чтобы никто не видел ее красных от слез глаз, тщетно пыталась вслушиваться в негромкий голос учителя. Смысл слов до нее не доходил, и наконец она бросила свои попытки и принялась вовсю предаваться унынию, изредка бросая взгляды на стройную фигуру нового преподавателя. Это был милый, улыбчивый молодой человек, слишком высокий и худой, и оттого немного угловатый в движениях. Его звали Даниэль, и он должен был научить своих подопечных, как оставаться сухими даже под проливным дождем.

В классе, где проходил сегодняшний урок, имелся огромный открытый балкон, с которого, как с небольшой огороженной сцены, и вещал учитель перед своей аудиторией. За окнами нещадно хлестал дождь, словно специально поспевший к нужному занятию, и Даниэль демонстрировал ученикам свое мастерство, оставаясь совершенно нетронутым ливневыми струями.

– Мне приятно ваше изумление, – смеясь, говорил Даниэль ученикам, с восторгом таращившимся на учителя, который не мок под дождем. – И я обещаю, что через какое-то время все вы будете способны на этот трюк. Конечно, если будете точно следовать моим указаниям и выполнять домашнее задание, – добавил он, сделав серьезное лицо. – В этом деле очень важны тренировки.

Белла, тихо всхлипнув и зажав рот рукой, уставилась на учителя, но скоро его фигура поплыла и размылась, потому что черные глаза девушки снова наполнились слезами. Где-то там в первых рядах сидела ненавистная Мышь, вовсю следившая за объяснениями Даниэля.

«Слушай, слушай, – зло подумала Белла. – Тебе все равно это не поможет. Ты сюда вообще не понятно как затесалась».

Она пыталась успокоиться, разозлившись, но выходило плохо, потому что больше всего Белла злилась на саму себя. Далась ей эта разнесчастная Мышь! Что она к ней пристала?

В истории с дневником девушка и сама не ожидала, что зайдет так далеко. Она хотела погуглить неприятную ей одноклассницу, может быть, даже пробежать глазами дневник, который в самом-то деле ее не интересовал. Но когда она увидела имя Элайджа, которое Мышь так смаковала на страницах своей дурацкой тетради, ее прошел укол невиданной ревности. Вот уже тут можно было начинать злиться на себя!

Во-первых, она ждала Эллиса, который вот-вот должен был перевестись в дождливую школу, а почему-то думала совсем не о нем. Во-вторых, это вообще было не в ее правилах: первой обращать внимание на какого-нибудь парня, пусть даже трижды красивого. А в-третьих, почему опять здесь фигурирует Мышь? Эта невзрачная самозванка, как смеет она даже думать о таком красавце, как Элайджа, который вдруг запал в сердце самой Белладонне?!

Конечно, у этой Елены не было никаких шансов на внимание красавчика, но даже сама мысль о том, что эта мерзавка о нем мечтает, предаваясь пространным рассуждениям в своем дневнике, не давала Белле покоя. А еще очень раздражало, что писала она так образно и слог ее был столь хорош, что увлекал за собой, как настоящий любовный роман. Эх, надо было стащить этот дневник и прочитать его в одиночестве, а потом уже устраивать представление. А так его все-таки пришлось отдать. Она, конечно, привлекла внимание и рассмешила многих, даже Элайджа одобрял ее действия, но ведь обязательно найдутся те, кто станет осуждать ее поступок. И былого почтения к «той самой Белладонне» у них уже не окажется, а девушку это очень расстраивало.

Но самое страшное – Белла сама корила и осуждала себя за то, что устроила Мыши, и хотя вначале со смехом отбивалась от совестливых мыслей, от раскаяния и жалости, в конце концов эти чувства захлестнули ее и душили теперь неимоверным стыдом. Боже мой, какая она оказалась мелочная и низкая, глупая, детская. Она же не такая! У нее всегда были принципы,

а что же тут с ней случилось? И как это началось? Она прогнала Мышь на свое место, и та безропотно ушла, так почему же не дает ей покоя?

Мучимая запоздалой совестью, Белла, пока Елена где-то отсутствовала, как-то раз даже подошла к ее кровати и принялась задумчиво разглядывать каморку. Почувствовав на себе встревоженный взгляд, она с вызовом обернулась и увидела Кейру.

– Дневника тут больше нет, – не приветливо сказала та. – Книги читай, а еще лучше – учебники.

Белла на какое-то мгновения опешила от такой неприкрытой враждебности. Кейра совершенно ее не боялась. «Отличная пара подружек, Мышь и Слониха», – ядовито подумала она, и тут же снова откуда ни возьмись ее окатило волной стыда. «Придумывать обидные прозвища для других за их недостатки – унизительно лишь для самого фантазера», – всплыла в голове фраза. Откуда это? Белла поморщилась. Потом взяла себя в руки и миролюбиво сказала:

– Да я не за этим. Нехорошо вышло тогда. – Кейра недоверчиво косилась на нее, явно ожидая подвоха. – Я просто думала сюда переехать. Мне свет мешает. Ну и просто, это же все-таки мое место, я же пришла позже.

Глаза Кейры расширились сначала от удивления, а потом в них мелькнул полубезумный страх, и она замотала головой.

– Нет, нет, – затараторила она, – тебе сюда нельзя! Оставайся на своем месте, не надо сюда!

Добрый порыв, который подтолкнул Беллу заговорить с Кейрой, тут же прошел. Что это значит, нельзя? Эта корова не желает, чтобы сама Белладонна жила поблизости? Она уже готовилась высказать что-то очень грубое и язвительное, но страх в глазах собеседницы остановил ее. Если она кого и боялась, то точно не Беллы. Кажется, она тревожилась за саму Беллу!

– Почему это? – процедила она сквозь зубы.

– Я не знаю, – запинаясь, пробормотала Кейра и сникла. – Не могу объяснить. Знаю только, что не надо меняться. Не из-за тебя, и не из-за нее...

– Не говори ерунды! – высокомерно бросила Белла, развернулась и ушла к себе. Теперь ей уже стало интересно и прямо-таки захотелось переехать в эту загадочную каморку, которую эта слони... Кейра так охраняет.

* * *

Мышь с тех пор на глаза попадалась Белле очень редко. Словно она постоянно где-то пряталась. И от нее, и от остальных, которые посмеялись над ее позором. Это продолжало мучить Беллу, хотя подойти и извиниться было выше ее сил. Да и попробуй найди эту Елену среди дня. У них даже занятия очень часто не совпадали. Вот только сегодня на отведении дождей они встретились. Ишь, как слушает. О том, что сама Белла ничего не слушала и рисковала пропустить азы мастерства, она сейчас не думала. А Даниэль тем временем пригласил несколько учеников на свою импровизированную сцену-балкон, чтобы поначалу они попытались отвести от себя дождь общими усилиями.

Ученики, на которых он указывал, стали один за другим вставать со своих мест и спускаться к балкону. Среди них затесалась и злосчастная Мышь.

– Возьмитесь за руки, – командовал Даниэль ученикам, остановившимся на пороге балкона, чтобы раньше времени не намочнуть и не провалить эксперимент. – Сначала вы соберете общую силу и оттолкнете дождь, а потом выйдете на улицу. Иначе вы сразу намочнете, и мы не пойдем, получилось ли у вас, даже если получится.

Возня с обучением продолжалась, а Белла опять загрустила и вытерла очередные слезинки. Она так хорохорилась, что скоро приедет ее любимый, а совсем недавно выяснилось, что Эллис поступил в школу, которая вызвала его, и преспокойно там учится, не собираясь

никуда переводиться. Связи с ним не было, и Белла долго обивала пороги кабинета Мелиссы, чтобы узнать хоть что-то о любимом. Наконец та снизошла до девушки и разрешила ей связаться с домом. От мамы Белла и узнала новости.

Можно ли считать, что Эллис бросил ее? Или он настолько хотел учиться именно в той школе? Может быть, для него это очень важно. А потом он похлопочет за Беллу и заберет ее к себе. Что-то подсказывало девушке, что этого не будет, добавляя новый повод для слез к коллекции остальных печалей. Ну, что ж. Зато тут есть Элайджа. Который, правда, почему-то не падает к ее ногам. Он смеялся над Мышью вместе со всеми, но ближе к Белле после этого не стал. Ничего не складывалось. Или складывалось, но не так, как хотела Белла. И Мышь эта...

А Елена тем временем, в кругу одноклассников, шагнула вместе со всеми под дождь. Учитель внимательно наблюдал, словно что-то подправляя взглядом и едва заметным движением рук. А лица у экспериментаторов были настолько удивленными, что сразу становилось понятно: они стоят под ливнем и не мокнули! У них получалось!

Их изумление длилось недолго. Скоро лица скривились, а руки расцепились, потому что действие сил с непривычки закончилось очень быстро и на головы ребят обрушились потоки воды. С визгами и смехом ученики бросились обратно в класс. Даже мокрая Мышь смеялась радостно вместе со всеми, словно ее недавно не унизили перед остальными. Интересно, где она теперь прячет дневник? И где прячется сама?

Глава 10. Страшная сделка

После своего первого путешествия на вершину маяка Елена выждала несколько дней, чтобы снова отправиться туда. Мысль о том, что у нее появилось чудесное пристанище, грела душу и прибавляла сил, и теперь уже не так пугали нападки Беллы и ее приспешниц. Чувства к Элайдже, который оказался совсем не таким, как она о нем думала, стали стихать на удивление быстро. Словно, попав в маяк, Елена вышла из него немножко другая, обновленная. Она прилежно училась, начиная осваивать некоторые магические премудрости, и наконец-то сходила на репетицию к Мике!

Музыкальная комната, где играл Мика с друзьями, совсем не походила на тот грязный подвал с низкими потолками, куда однажды занесло девушку. Здесь было светло и чисто, и на небольшой сцене стояла ударная установка и микрофоны. Елена немного опоздала, и, когда она вошла, репетиция была в самом разгаре. Девушка тихонько села с краю у стены, с улыбкой глядя на сцену, где Мика терзал электрогитару. Изящные длинные пальцы носились по струнам с немыслимой скоростью, исполняя соло, глаза были закрыты, и Елена невольно залюбовалась его преобразившимся, одухотворенным лицом, казавшимся в этот момент почти красивым.

Закончив с гитарными риффами, Мика запел. Его сильный голос то взмывал вверх почти до фальцета, то опускался вниз, превращаясь в приятный тенор. Песня была очень мелодичная, несмотря на то, что аккомпанировал ей тяжелый рок, и, пока Елена заслушивалась звуками гитары, в голове ее сами собой складывались строчки.

*Синий взгляд из-под ресниц,
Худенькие плечи.
Слоги рвутся со страниц
Музыке навстречу.*

*Льется голос в глубину
Сердца и сознания,
Нарушает тишину
Граней мироздания.*

*Голос острою иглой
Проникает в сердце,
Застилает пеленой:
Никуда не деться.*

*Струн высокий резкий звук
Ранит больно душу,
И движеньем тонких рук
Мой покой нарушен.*

*Всплесков горя и любви
Целых три октавы.
Пой, стенай, люби – и рви
Лавры этой славы.*

– Ну как? – веселый голос выдернул ее из мечтательной задумчивости, куда увела ее мелодия. – Понравилась песня?

Мика стоял рядом, его друзья возились на сцене. Басист подтягивал струны на своей гитаре, барабанщик, согнувшись под ударной установкой, что-то поправлял. Второй гитарист просто жадно пил воду из пластиковой бутылки.

– Очень, – с восхищением проговорила Елена, поднимая глаза на юношу. – Я даже не ожидала, что тяжелая музыка может быть такой красивой. Ты очень талантливый.

Мика зарделся и немного смущенно опустил синие глаза.

– Спасибо, – сказал он. – Я вроде и сам такого же мнения, но слышать это очень приятно.

– Тебе на большой сцене надо выступать, точно, – с жаром продолжила девушка и запнулась, – а не...

– А не тучки разводить? – закончил за нее Мика, и она кивнула. – Да одно другому не мешает. Я зато здесь команду нашел, мы так хорошо сыгрались. Везде есть плюсы, надо только их замечать.

Потом ребята еще сыграли несколько песен, к великому удовольствию Елены, а дальше, не желая расходиться по спальням, вышли во двор и расположились под навесом на двойной лавочке. До отбоя оставалось еще около часа, можно было немного погулять и пообщаться. Елена, впервые оказавшись в компании мальчишек единственной девушкой, чувствовала себя на удивление свободно. Наверное, это благодаря Мике. Его присутствие и дружелюбие придавали ей смелости, да и ребята глядели на нее приветливо.

Разговор сначала крутился возле репетиции, а затем свернул на саму школу, и в конце концов друзья заговорили про ее странности.

– Никогда еще не было, чтобы после ночевки в каморке человек оставался прежним, – загадочным тоном рассказывал один из школьных музыкантов.

– А что с ними всеми случается? – Любопытные взгляды устали на рассказчика.

– По-разному бывает, – с видом знатока продолжал парень, понижая голос. – Кто-то начинает болеть или меняться внешне. Кто-то вдруг стареет. Представляете, школьник еще, а уже волосы седые, и морщины!

– Да не может быть! – прервал его товарищ. – Как можно в такое верить?

– Ну ты же веришь в управление дождем, – парировал рассказчик. – А почему не можешь поверить, что эта комнатуха пожирает силы? Так вот, кто-то даже с ума сходит после нее.

– А почему тогда туда продолжают заселять учеников? – возмущенно спросил Мика. – Если там действительно какая-то опасность.

– Вот в этом и загадка, – протянул парень. – И все это как будто только слухи, учителя никогда не подтверждают их, словно и не было ничего. Просто однажды этот сумасшедший или постаревший ученик куда-то пропадает, а всем говорят, что он решил прекратить учебу в нашей замечательной школе. Мол, не дотягивает. Конечно, не дотягивает! Дотянешь тут, когда у тебя уже старческий маразм в семнадцать.

Елена, слушая эти рассказы, больше похожие на страшилки, которыми дети пугают друг друга перед сном в лагере, сидела тем не менее с белым как полотно лицом. Ребята, похоже, не догадывались, что она сама ночует именно в такой жуткой каморке. И она безоговорочно верила безумным историям, потому что видела такие кошмарные сны, которые не мог создать ее мозг.

– Что с тобой? – вдруг участливо спросил Мика, увидев, как она побледнела. – Да не бойся ты, это же просто байки.

– Ничего, все нормально, я, по правде, немножко боюсь таких историй, да, – пробормотала девушка. Ей не хотелось признаваться, что именно она и есть та самая жертва, которую запихнули в этот ужасный закуток. Вдруг от нее шарахаться начнут? Единственным желанием сейчас было – добежать до зеркала в спальне, чтобы посмотреть, не появились ли седые волосы или морщины. А вдруг она уже начала сходиться с ума, поэтому и видела с маяка радугу?

К счастью, как раз прозвучал сигнал, возвещающий отбой, и компания засобиравлась в свои комнаты. Елена, зайдя в умывальню, долго и пристально вглядывалась в свое лицо, пытаясь уловить хоть малейший намек на раннее старение, но ничего не обнаружила. «Наверное, еще не подействовало», – решила она. А ведь это все может произойти с ней из-за противной Беллы, которая выгнала ее с места, заставив переехать. Решив, что в ближайшие же дни она пойдет в школьную библиотеку и попытается найти хоть какую-то информацию про каморку и маяк, девушка отправилась спать. Правда, она думала, что заснуть от страха ей теперь удастся не скоро, но тут же провалилась в вязкий сон.

* * *

То ли вечерние разговоры в компании Микиных друзей так подействовали, то ли и в самом деле страшный сон собирался вернуться именно сегодня, но, заснув, Елена снова оказалась в том самом помещении с витражными окнами. Здесь время, как и в прошлые разы, сдвинулось: стояли сумерки, утренние или вечерние. Раньше Елена не пыталась вспомнить узоры из цветного стекла, а сейчас с отвращением увидела, что свет, пробивающийся сквозь витраж, оставляет на стене коричневые, серые и грязно-болотные пятна. Какому безумцу придет в голову украшать комнату такими мрачными оттенками?

Комната снова сместилась: там, где обычно находился вход в каморку, была сплошная стена, а само помещение оказалось с противоположной стороны. Словно в том измерении, или куда там она попадала во сне, перегородки были в других местах, и лишь часть вещей оставалась на том же месте: например, кровать Елены. А может быть, только она и оставалась, являясь якорем или каким-то связующим звеном между этими двумя мирами: обычным и очень страшным.

«Вдруг это как маяк, только наоборот? – успела подумать девушка, пока липкий страх не заполнил каждую клеточку ее тела. – Там переход в светлое, а тут – в темное?»

В комнате висела крошечная тишина, казалось, что ее можно было потрогать, настолько сгустился воздух. Елену не покидало ощущение, что она находится в мертвой зоне, причем в прямом смысле этого слова. Не было жизни в слабом свете, в ватной тишине, даже воздух казался искусственным, будто все, что ее окружало, являлось муляжом или подделкой. Девушке вдруг почудилось, что вещи в комнате и даже она сама покрылись старой, затхлой пылью.

Таких неприятных ощущений в прошлые попадания она не испытывала. Что-то изменилось с тех пор, как будто место перестало скрывать свою сущность, понемногу обнажаясь и демонстрируя очень неприглядное исподнее.

Едва колыхнулся густой воздух, и Елена поняла, что в комнате она уже не одна. Кто-то снова появился, незримый для ее глаз, но прекрасно видевший сам. Девушка чувствовала пристальный колючий взгляд, исследующий ее фигуру, скользящий по лицу почти физическими прикосновениями: как будто ледяные пальцы гладили ее щеки, лоб, касались губ. Парализованная страхом, Елена не могла издать ни звука и только с ужасом ждала, когда холодная как лед рука сожмет ее горло, чтобы убить с медленным наслаждением.

Но наваждение вдруг исчезло, касания прекратились, и в дальнем углу комнаты проявилась темная высокая фигура. Елена приподняла подушку и, дрожа мелкой дрожью, села на кровати. Влажная от холодного пота ночная сорочка прилипла к спине, сердце заходило в бешеном стуке, выпрыгивая из груди. Девушка не видела лица незнакомца, но точно знала, что он улыбается, глядя на нее.

Он пересек комнату – угрюмые коричневые и серые лучи витража лизнули его статную фигуру – и остановился возле кровати, положив руки на железную спинку. Елена, вжавшись в подушку, широко раскрытыми глазами смотрела на него. Это была не полупрозрачная темная

ть, как ей почудилось вначале, а просто человек. Взрослый мужчина с необычайно красивыми чертами лица. Эта безупречная красота настолько не вписывалась в мрачную картину, окружавшую их сейчас, что вызвала новый прилив ужаса. К тому же у него были такие странные и страшные глаза... Но страх был настолько велик, что Елена лишь мельком задержала на них свой взгляд и больше не смогла смотреть ему в лицо. Но она и так его сразу запомнила, будто оно отпечаталось на сетчатке, и видела его внутренним зрением. Только без глаз.

– Это не твое место, – вдруг заговорил незнакомец, и чарующий голос змеей просочился в сознание. Больно кольнуло в сердце, потому что Елена тут же поняла, как хочет, чтобы это место было ее. А страшный человек обошел кровать и встал почти над Еленой. Он протянул руку, помогая ей подняться, и теперь девушка стояла перед ним в одной тоненькой ночной сорочке. – Не бойся, посмотри на меня.

Он взял ее вторую руку, и, не в силах противиться, Елена подняла глаза, раздираемая изнутри ужасом: сейчас она увидит эти жуткие пустые глазницы. Но его глаза были обычными, человеческими, хоть и излучали то ли ненависть, то ли страх вперемешку с презрением. Незнакомец какое-то время молчал, снова разглядывая девушку, а она как замороженная рассматривала, в свою очередь, прекрасные черты. Он был намного красивей Элайджи, а ведь еще недавно Елене казалось, что это самый красивый юноша, которого она видела в жизни. Неужели можно быть еще совершеннее?

Незнакомец вдруг скривил рот и повторил, покачав головой:

– Нет, это не твое место. Тебя не должно здесь быть. Ты обязана поменяться с ней.

Удивление промелькнуло на лице девушки. Неужели он про Беллу? Ведь изначально она должна была там спать. Это она должна была стареть, болеть, сходить с ума. Как будто в подтверждение ее мыслей, мужчина кивнул и слегка улыбнулся.

– Сделай это для меня. И тогда получишь награду. Это будет всего лишь ночь, но ты никогда не забудешь ее, и даже воспоминания о ней сделают тебя счастливой. Ты будешь этим жить, поверь мне. Просто сделай, как я сказал. Заставь ее.

Елену влекло к этому жуткому незнакомцу, и это пугало еще сильнее, чем все происходящее. Ей так хотелось подчиниться и помочь ему. Ему зачем-то нужна тут Белла. Но это же прекрасно! Она избавится от этой комнатки и страшных снов, а может быть, и от самой обидчицы, которая вскоре уже покинет их школу – старой или сумасшедшей. Мстительные мысли захлестнули девушку, когда она представила Беллу сбрендившей старухой. Что бы такое устроить, чтобы переселить ее сюда?

– Ты умная девочка, придумашь, – с удовлетворением ответил незнакомец и, наклонив голову, едва ощутимо коснулся губами губ девушки. Это было так сладко, так маняще, что сейчас Елена готова была силком за волосы притащить Беллу в свою каморку, лишь бы получить то, что обещал ей незнакомец. Она, которая пока даже не задумывалась о подобных вещах, невинная и чистая, добрая девушка!

Человек отпустил ее руки, шагнул назад и на глазах у Елены практически растворился в воздухе. Она еще стояла, протягивая к нему руки, когда услышала грубый и взволнованный голос над ухом:

– Ты еще и лунатичка?! Да на что ж ты мне сдалась вот?!

Елена очнулась и поняла, что стоит в своей каморке и протягивает руки к стене, а сзади Кейра трясет ее за плечи, приговаривая что-то ругательное. Елена бессильно опустила руки и обернулась к угрюмой подруге.

– Нет, я не лунатичка. Я никогда не ходила во сне, – расстроено ответила она, поджимая пальцы босых озябших ног. Перед глазами все еще стояло прекрасное лицо, но в кадр теперь назойливо лезла Кейра со своими сетованиями. – Я хочу переселиться на другое место. Я больше тут не могу.

– Я знаю, знаю, – Кейра сочувственно наморщила лоб. – Но только не вместо Беллы, только не вместо нее. Ее сюда нельзя, я уверена!

Елена, отпрянув, с удивлением уставилась на подругу. Как это не вместо Беллы? Он просил Беллу!

– Сюда, конечно, вообще никого нельзя, только ты можешь справиться, – забормотала Кейра какую-то ерунду. – Я знаю, почему, но не знаю, откуда я это знаю.

– Тогда я буду спать на полу у стенки, – прошипела Елена. – Иначе я сойду с ума!

– Ты не сойдеешь, только не ты. Но если хочешь, давай попеременно спать на моей кровати. Или ляжем вместе, хоть валетом, хотя кровати здесь такие узкие, а я не самая худая в нашей спальне...

Наваждение сна немного отступило, и Елену вдруг ужаснули ее мстительные и уж тем более – развратные мысли. Ее желание никуда не делось, но теперь включился проснувшийся разум. Боже мой, она в кошмарном сне или в параллельном мире только что готова была отдаться незнакомцу, пусть и очень красивому, а вдобавок привести к нему жертву. И хотя эта жертва – ненавистная Белла, никто не заслуживает старости в семнадцать лет или сумасшествия. Но он же придет снова, она пообещала! Что же ей делать?

– Боже, да что ты там видела? На тебе лица нет, и ты горишь вся!

– Очень, очень страшный сон, – прошептала Елена. – Самый страшный в моей жизни. Нужно что-то делать, чтобы он не повторился. Ты же многое знаешь, подскажи!

Кейра сосредоточенно задумалась, но вскоре расстроено покачала головой.

– Я пока не вижу. Оно само приходит. Хотя... – Кейра вдруг довольно усмехнулась. – Может, тебе просто заболеть и лечь в лазарет?

– А ведь это идея! – обрадовалась Елена.

Глава 11. Черная свадьба

Не только Елене снились странные и пугающие сны. Явились они и в грезы Беллы, и пусть не она спала в той каморке, куда был открыт доступ существам из потустороннего мира, все же они способны были дотянуться до нее хотя бы в сновидениях. Они могли просочиться в ее голову через царство снов, в котором объединяются все существующие реальности, сливаясь в один-единственный призрачный мир и демонстрируя чудеса, которые мы считаем лишь плодом нашего разгоряченного воображения, что выдает уставший за день мозг.

Она находилась совсем одна в общей спальне, которая, и без того всегда сумрачная из-за вечных дождей за окном, сегодня была особенно мрачной. Низкие серые тучи висели буквально над школой, почти цепляясь за ее крышу, и полумрак, царивший в комнате, вызывал на душе необъяснимую, мучительную тревогу.

«Куда же все ушли? – удивлялась Белла. – Может быть, сегодня какое-то событие, а я забыла и теперь его пропущу?»

Она выглянула в окно: во дворе, нещадно заливаемом дождем, было пусто. Мертвая, ватная тишина повисла повсюду, даже дождь не стучал по стеклам и подоконнику, а лился бесшумно.

От этого несколько коротких стуков в дверь спальни прозвучали, как гром среди ясного неба. Белла вздрогнула и в испуге обернулась на дверь. Та тихо приотворилась, и в проем заглянуло неприветливое лицо Мелиссы – помощницы директора. Ни ее, ни самого хозяина школы девушка почти не встречала с того самого дня, как попала в ненавистное учебное заведение. Лишь изредка и издалека видела, как он стремительным шагом шел куда-то по коридору. Он никогда не интересовался жизнью и делами учеников, словно находился в какой-то параллельной плоскости и занимался вовсе не школой.

Однажды он ей приснился в полубезумном сне, но это тоже было очень давно. Хотя Белла так и не забыла бескрайнюю синеву его глаз и манящую сладость губ, что ей пригрезились. Тот короткий эпизод был слишком реален и ярък, чтобы со временем стереться из памяти. И его странные слова про чужого жениха...

– Тебе пора. – Мелисса поманила Беллу за собой и исчезла за дверью. – Юго ждет.

– Куда? Кто такой Юго? – растерянно переспросила девушка, и ноги вдруг сами понесли ее к выходу. Белла вдруг поняла, что находится лишь в ночной сорочке, но не смогла вернуться за одеждой, потому что ее влекло вперед неведомой силой. Она вышла из спальни и отправилась вслед за помощницей директора, которая не оглядываясь шла, цокая острыми каблуками по невидимой ровной линии, будто кто-то прочертил ее перед ней. – Подождите, мне надо одеться!

– Там тебя оденут, – прозвучал голос в голове у Беллы, и она, уже чуть не плача, против своей воли продолжила путь.

Мелисса вела ее извилистыми коридорами, длинными винтовыми лестницами то вверх, то вниз, затем снова коридорами. Ничего этого Белла никогда не видела в школе дождя и теперь окончательно запуталась и напугалась.

– Куда мы идем? – жалобно спросила она у равнодушной провожатой, но та молча шла вперед.

Наконец Мелисса привела девушку в небольшую круглую комнату, обставленную в каком-то смешанном ретро-стиле. Точнее, при более внимательном взгляде на обстановку становилось понятно, что стиль здесь вовсе отсутствует. Словно в комнату старательно сгрудили все старье из прошлых веков, которое попало под руку, не обращая внимания, что все эти вещи буквально из разных эпох. Старинное потемневшее зеркало в массивной дубовой раме стояло на полу у стены и верхним краем сильно выдавалось вперед. «На чем оно держится?

Оно подвешено к стене за верхний край?» – предположила Белла, еле сдержавшись, чтобы не пойти и не проверить свою догадку. Древний шифоньер с дверцей, криво висящей на одной петле, почти примыкал к зеркалу, и его дешевый корпус из прессованных стружек с потрескавшимся лаком резко контрастировал с цельной дубовой рамой зеркала.

Прямо посреди комнатки стояла пузатая бронзовая ванна с изогнутыми ножками. Подле нее лежал истоптанный и выцветший ковер, который когда-то, возможно, был очень красивым. На полках вдоль стен было множество старых игрушек: кукол, медвежат, неваляшек. Все до единой они были хотя бы с одним изъяном: у кукол не хватало глаз или волос, плюшевые медведи сидели с оторванными лапами. Грубые нитки топорщились из мест, где когда-то были конечности. И все в этой комнате казалось покрытым толстым слоем пыли, здесь даже пахло застарелой пылью, и Белле почудилось, что ее хлопья еле заметно колыхнутся, хотя ни единого дуновения или колебания воздуха тут не было. Словно и воздух тут был мертвый или искусственный. Эта комната показалась девушке чудовищным муляжом, который сотворил какой-то безумец, наигрался, а потом бросил его, оставив пылиться в забвении.

Мелисса с кривой улыбкой стояла возле ванны. Женщина отвернула краны и наблюдала, как емкость медленно наполняется ржавой водой. К горлу Беллы подкатил комок тошноты: она поняла, что эта отвратительная вода с кислым железным запахом предназначена ей.

– Раздевайся и залезай, – сухо сказала Мелисса. Белла отчаянно замотала головой, но тут ее под локти подхватили незнакомые девушки, невесть откуда взявшиеся, и потащили к ванне. Несчастная пыталась вырваться, но их ледяные руки держали ее мертвой хваткой, а лица были непроницаемы. Они с силой швырнули ее в мерзкую коричневую жижу, которая, к изумлению Беллы, даже не расплескалась. Ее поверхность осталась совершенно ровной и как будто маслянистой. Мало того, Белла даже не почувствовала, что лежит теперь в воде, словно та была ненастоящая. Девушка видела, как мгновенно порыжела белоснежная сорочка, но не ощутила влаги на своем теле. Ей только на миг показалось, будто ее обволокла та самая пыль, что тихонько клубилась по углам комнаты. Еле сдерживая тошноту, Белла, уже не сопротивляясь, наблюдала, как молчаливые девушки стягивают с нее испорченную ржавчиной одежду, как принимают мыть ее тело этой вымышленной водой. Словно они просто гладили ее сухими руками.

В эти минуты девушка вдруг осознала, что спит. Ей стало чуть легче, но тревога до конца не ушла, к тому же Белла не могла вспомнить, что надо сделать, чтобы проснуться.

Омыв ее тело ржавой водой, девушки помогли ей подняться из ванны. Она покорно ждала, что с ней будут делать, не прекращая попыток вспомнить, как оборвать этот сон, но у нее не выходило.

– Ты проснешься, когда все закончится, – надменно произнесла помощница директора. – А сейчас все только начинается.

От ее слов повеяло безысходностью и новой тревогой, а девушки тем временем исчезли и снова вернулись в комнату. Они принесли черное подвенечное платье и такую же фату и стали одевать Беллу.

«Приснился чужой жених чужой невесте», – вдруг вспомнились девушке слова синеглазого директора, и от мысли, что ее ожидает свадьба с ним, в груди разлилась сладкая истома. Пусть это только сон, безумный и неприятный, но если все происходит ради того самого момента, то можно перетерпеть и пугающую атмосферу, и долгие переходы по лабиринтам, и неосознанное прикосновение ржавой воды. Боже, а как идет ей подвенечное платье! И неважно, что оно черное, это ее цвет!

Белла, облаченная в потрясающий траурный наряд, вертелась перед нависавшим над ней старинным зеркалом и любовалась своим отражением. Угольные глаза горели на бледном лице, черная фата еще сильнее оттеняла белизну кожи.

«Юго ждет», – всплыло в голове. Хм, странно. Она не знала, что директора зовут Юго. Но разве это важно? Она станет женой самого хозяина школы дождя! Да и пусть катится к черту этот Эллис, который предпочел учебу в другом месте. Пусть Элайджа и дальше продолжает строить глазки, но ничего не предпринимать. Белладонна, магиня, отмеченная стрелами всех стихий, станет хозяйкой школы! А это почти то же самое, что хозяйкой всего города, ведь школа – это его сердце.

Размечтавшись, девушка не заметила, как в комнате появился кто-то еще, и вздрогнула от знакомого низкого голоса:

– Идем со мной. Я отведу тебя к алтарю. Набрось фату на лицо.

Белла обернулась на голос и увидела своего жениха. Синеглазый директор протягивал ей руку, но странно – на нем не было свадебного костюма. Он почему-то был одет в длинный серебристый плащ из странной струящейся материи, и казалось, что с его плеч постоянно стекают потоки воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.